ПОСЛАНИЕ К НАРОДАМ МИРА

от Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир

Мы собрались на конгресс в Москву со всех концов света. Наши профессии различны. У нас разные убеждения. На протяжении недели мы с самой большой откровенностью обсуждали вопросы о нависшей над человечеством угрозе ядерной войны. В ходе дискуссии мы лучше поняли друг друга и теперь мы убеждены в том, что можно отвратить угрозу, которой сегодня подвергаются каждая страна и каждый народ.

Гонка вооружения усиливает напряженность и недоверие между государствами, а напряженность и недоверие между государствами ускоряют гонку вооружения. Таким образом, возникает порочный круг. Разрушительная сила оружия становится ужасающей, и при этом раздаются голоса, призывающие к превентивной войне.

И все же мы твердо верим, что разоружение не только жизненно необходимо, но и возможно. Вчера оно было мечтой лучших умов человечества. Сегодня разоружение стало практической задачей, за решение которой должен бороться каждый из нас.

Освобождение от бремени гонки вооружений будет полезно всем:

Разоружение высвободит средства, которые могут быть использованы для повышения уровня жизни во всех странах;

Разоружение позволит сэкономить средства, которые могут значительно ускорить развитие слаборазвитых в экономическом отношении стран;

Разоружение будет означать ликвидацию иностранных военных баз и вывод войск с чужих территорий, что окажет помощь народам, борющимся за национальную независимость.

Разоружение должно быть всеобщим и полным и проводиться под строгим международным контролем. Не может быть никакого разоружения без контроля и никакого контроля без разоружения.

Мы тщательно изучили препятствия, стоящие на пути осуществления всеобщего и полного разоружения, и мы знаем, что добиться его будет трудно. Есть люди, которые выступают даже против переговоров. Некоторые из них поступают так потому, что они слепы и инертны, другие — ради обогащения, третьи — из милитаристских устремлений. Тем не менее мы убеждены, что все препятствия можно преодолеть. В любом плане разоружения можно усмотреть какие-то слабые стороны, но мы убеждены, что лучше пойти на компромисс, приемлемый для всех, чем продолжать гонку вооружений.

Однако опыт показывает, что было бы опасной иллюзией верить, что разоружение может прийти само по себе. Нельзя полагаться лишь на дипломатов и военных специалистов, которые из года в год затягивают свои дискуссии. Лишь усилия народов всех стран могут заставить государственных деятелей найти решение. Разрозненных протестов уже недостаточно. Пришло время создать могучее движение сопротивления гонке вооружений и всем военным приготовлениям.

Если человечеству удалось избежать ужасов ядерной войны в течение 17 последних лет, то это произошло прежде всего благодаря неустанным усилиям народов, борющихся за мир. Но мы должны открыто признать, что есть еще много людей, которые стоят в стороне от борьбы против гонки вооружений. Есть еще много людей, которые не сознают ее опасностей, не понимают ни всей серьезности этой угрозы, ни своей ответственности за сохранение мира. И всем им мы говорим: «Поймите, в какие опасные дни мы живем, становитесь в ряды тех, кто борется за разоружение и мир».

Время не ждет! Термоядерное оружие вскоре может появиться в арсенале десятков стран и усовершенствование средств доставки этого оружия может сделать контроль невозможным.

Мы решительно выступаем против любых испытаний ядерных бомб или устройств, во-первых, потому, что они угрожают жизни и здоровью нынешнего и будущих поколений, и, во-вторых, потому, что они ускоряют темпы гонки вооружений.

Мы обращаемся с призывом к правительствам всех ядерных держав — мы просим их без всяких отлагательств достигнуть договоренности о прекращении всех испытаний ядерного оружия и заключить договор о запрещении навечно всех этих испытаний повсеместно — в атмосфере, в космосе, под землей и под водой.

Это соглашение будет первым шагом на пути к полному запрещению и уничтожению всего ядерного оружия и всех средств его доставки под строгим контролем.

Наша главная и неотложная задача состоит в том, чтобы добиться заключения правительствами договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем. В этой связи должны быть найдены практические методы, позволяющие быстро и эффективно завершить обсуждение находящихся на рассмотрении планов разоружения, способствующих скорейшему заключению договора.

Под нажимом общественного мнения и благодаря действиям неприсоединившихся стран удалось добиться частичного сближения позиций главных держав, ведущих переговоры, в отношении принципов разоружения, но из-за серьезных разногласий между ними переговоры остаются в тупике. Соглашение может быть достигнуто лишь в том случае, если народы усилят свой нажим.

Именно силы мира должны подать пример в установлении лучшего взаимопонимания и ликвидации взаимного недоверия. Мы считаем, что наш конгресс внес большой вклад в дело осуществления этой задачи. Теперь необходимо, чтобы в каждой стране каждая организация нашла наиболее подходящие для нее пути для того, чтобы продолжить то, что мы предприняли сообща.

Пассивность вредит делу мира. От всех нас зависит, когда наступит день освобождения человечества от угрозы ядерной смерти. Нас, желающих мира, много. Если все мы будем действовать и если все, кто действует, будут действовать дружно, мы сможем проложить путь к осуществлению нашей общей цели: к сохранению мира.

МОСКВА, 14 июля 1962 года.

ЗА ЕДИНСТВО И ДРУЖНЫЕ ДЕЙСТВИЯ!

ПРИЕМ В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ

Выдающимся событием нашего времени явился Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Представители народов земного шара в течение шести дней обсуждали на нем самый главный вопрос современности — что необходимо сделать для того, чтобы навсегда избавиться от ужасов термоядерной войны, чтобы был вечный мир и дружба между народами. Дух конгресса очень хорошо чувствуется в замечательных словах принятого им Послания к народам мира: «Если все мы будем действовать и если все, кто действует, будут действовать дружно, мы сможем проложить путь к осуществлению нашей общей цели: к сохранению мира».

Завершением великого форума народов явился прием по случаю окончания конгресса, состоявшийся 15 июля в Большом Кремлевском дворце.

По приглашению Советского комитета содействия подготовке и проведению в Москве конгресса в Георгиевский зал дворца собрались известные всему миру общественные деятели — члены Международного комитета конгресса, члены президиума и секретариата конгресса, главы делегаций, принимавшие участие в форуме народов, представители общественности столицы.

Председатель Советского комитета содействия подготовке и проведению конгресса А. Корнейчук горячо и сердечно приветствовал собравшихся гостей. Он отметил, что конгресс проходил в обстановке широкой свободной дискуссии. А. Корнейчук провозгласил здравицы за вечный мир на земле, за крепкую и нерушимую дружбу между всеми народами. Он выразил уверенность, что делегаты расскажут у себя на родине о работе конгресса, приложат все силы, чтобы предотвратить войну, добиться полного разоружения и установить на земле мир, счастье и свободу.

На приеме тепло встреченные присутствующими выступили главы и представители делегаций Индии, Непала, Китайской Народной Республики, Соединенных Штатов Америки, Афганистана, Бельгии, Британской Гвианы, Ямайки и других стран.

Все они горячо благодарили советский народ за сердечное гостеприимство и заявляли, что конгресс еще теснее сплотит все прогрессивное человечество в борьбе за всеобщее разоружение и мир. В своих выступлениях делегаты подчеркивали большое значение речи Н. С. Хрущева на конгрессе.

Прием прошел в обстановке сердечности и дружбы.

НА СНИМКЕ: Москва, 15 июля 1962 года. Прием в Большом Кремлевском дворце по случаю окончания Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. У микрофона — председатель Советского комитета содействия подготовке и проведению конгресса А. Корнейчук.

Фото В. Самостьянова

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й
№ 84 (4517)
Вторник,
17
июля
1962 г.

Цена 4 коп.

От сердца идущее слово

15 ИЮЛЯ. В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

ОФИЦИАЛЬНО Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир закончил свою работу в минувшую субботу. Всепланетный форум защитников мира принял Послание к народам мира, председательствующий поздравил делегатов конгресса с его успешным окончанием и объявил закрытым последнее заседание.

Но в мыслях и стремлениях участников конгресса и всех людей, которые внимательно следили за его работой, в беседах и встречах делегатов с советскими людьми продолжает жить дух конгресса, его могучая коллективная воля к миру, к счастью.

Об этом — о мире на земле, о счастье для всех людей нашей не такой уж большой планеты — шла речь в воскресенье в Центральном Доме литераторов. Московские писатели принимали у себя гостей—писателей и деятелей культуры всех континентов, тех, кто приехал в Москву, чтобы с высокой трибуны конгресса возвысить свой голос в защиту величайшего из достояний человечества — мира.

Здесь не было заседаний, не было докладов, речей и регламента. Единственным «запланированным» выступлением было короткое слово первого секретаря правления Союза писателей СССР Константина Федина, который тепло, по-дружески приветствовал гостей и предложил тост «за мирное общение людей культуры всего мира».

В зале и кулуарах слышался разноязычный говор... Да полно, разноязычный ли? В том ли дело, что одно и то же слово звучит по-разному на разных языках? Конечно же, дело не в звучании, а в смысле сказанного, в том, с каким чувством произносится это общеземное, общечеловеческое слово — мир. Как в сказке волшебное слово открывает доступ к заколдованным сокровищам, так в нашем сегодня простое короткое слово открывает людские сердца. В этом писательском доме собрались люди, которые не хотят войны, которые хотят мира и преисполнены решимости отстоять его от посягательств новых факельщиков кровавого Марса.

Поэтому все разговоры в этот день сводились к одному, хоть и разными были темы бесед. Не только о поэзии говорили с поэтом Степаном Щипачевым литераторы Чехословакии и Индии, не только проблемы современного романа обсуждали с писателем Борисом Полевым гости из Португалии и Испании. Все, даже что ни на есть литературные разговоры сводились к тому, что для свободного творчества нужен мир, нужно спокойное и чистое небо.

Хозяева приглашают гостей в просмотровый зал, и на экране возникают первые кадры фильма «Человек идет за солнцем». Трогательная история одного дня из жизни маленького человека взволновала зрителей. И когда в зале снова вспыхнул свет, разговор, естественно, зашел о будущих хозяевах земли — детях.

Американский писатель Гарри Карлайл показывает значок с изображением цветущей розы:

— Этот маленький символ мира мне подарили ребята новой Индии, я был там недавно. У меня много памятных значков, но этот — дороже всех. Он напоминает мне о моем долге... сделать все, чтобы это не повторилось...

И снова гудят сотнями голосов кулуары Центрального Дома литераторов, снова сплетаются в дружеском пожатии белые, желтые, черные руки, единственное, но грозное оружие которых — перо художника слова.

Алексей Сурков приглашает собравшихся послушать стихи. На сцену поднимаются поэты разных стран.

Открывая своеобразную перекличку поэтов, Алексей Сурков говорит:

— Сегодня — знаменательный день для нашего писательского дома. В его стенах собрались талантливейшие поэты земли, пишущие на разных языках, но поставившие перед собой единую цель — бороться против войны, за прочный мир на земле. Поэтому нам сегодня не нужны переводчики. Мы поймем друг друга сердцем... И мы глубоко признательны нашим гостям, которые дадут нам возможность услышать живое биение их сердец.

Перекличку поэтов открыла самая молодая из участниц этого «круглого стола поэзии мира» Беэла Ахмадулина. Затем на трибуну поднялся польский поэт Юзеф Лочарт, за ним — Александр Безыменский. Прочитал свои стихи один из старейших советских поэтов Илья Эренбург. Пусть эти строки известны уже давно, но они очень современны, потому что в них говорится о том, о чем мечтал поэт в далекие военные годы, о таком дне.

Чтобы дерева густая тень
Ничего не значила, темна,
Кроме лета, тишины и сна.

О высоком назначении художника как активного борца за мир, о его ненависти к поджигателям новой войны, о счастье жить и трудиться под мирным небом говорили в своих стихах Андрей Вознесенский, Андрей Лупан, Теофилис Тильвитис, Саджад Захир, Маркос Ана, Леонид Мартынов.

А потом к микрофону подошел канадский поэт Джо Уоллес. Свое стихотворение «Да или нет» он читал по-английски, но мы хотим привести его в переводе на русский язык С. Маршака

У предков был выбор:
Они говорили
Порой «либо-либо»,
Подчас «или-или».
Но в атомном веке
Выбора нет.
Я должен ответить
«Да» или «нет».
Любой мой поступок —
Последний ответ
Без всяких уступок:
Да или нет.
Горжусь я и мучусь
В руках у меня
Находится участь
Грядущего дня.

И снова один за другим поднимаются на трибуну Центрального Дома литераторов поэты мира. Зал аплодирует Степану Щипачеву, Рахиди Бамбулы, Карло Леви, Роберту Рождественскому, Джону Окайу, Питеру Темпесту, который прочитал стихи, посвященные герою конголезского народа Патрису Лумумбе.

Фрэнк Харди известен, как талантливый прозаик. Но на этот раз он выступил в роли композитора, поэта и певца. Он спел свою песню о профсоюзном лидере Австралии Джиме Хилли, о «Большом Джиме», как любовно называли его докеры Сиднея. Когда Джим Хилли умер — это случилось в прошлом году — двадцать тысяч людей шли за его гробом.

Вот как пел об этом австралийский писатель, друг Хилли:

Сидней печален.
Сидней мрачен, как гранит.
Сидней отчаянием
И горечью налит.
Кто поведет нас —
Докеры идут одни.
Добрый и честный
Большой Джим Хилли мертв
Заменим Джима,
Теснее сомкнем ряды,
Руки сжимаем —
Большой Джим Хилли жив,
Большой Джим Хилли жив!

Простые искренние слова, простая и трогательная мелодия. Это символично, что песня о друге австралийских тружеников прозвучала именно в Москве, именно в те дни, когда в столице Советского Союза собрались люди доброй воли всех континентов.

Этой песней завершилась переклички поэтов. Но гости московских писателей не спешили расходиться. В залах дома то там, то здесь снова возникали дружеские разговоры и споры, а на эстраде тем временем шел большой концерт мастеров искусств.

Поздним вечером мы спросили Константина Александровича Федина, как, по его мнению, прошел этот день.

— Отлично, — ответил он — Я думаю, что каждый из нас навсегда запомнит его. Это был по-настоящему большой день!

И. АНИКИН,
Б. КРАЕВСКИЙ

Фильмы наших друзей

В дни работы Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир во дворцах и домах культуры Москвы состоялись общественные просмотры фильмов, которые привезли с собой делегации Чехословакии, Румынии, Вьетнама, Кореи и Кубы. О борьбе народов за мир и счастье на земле рассказывают эти фильмы.

Москвичи увидели чехословацкие художественные кинокартины «Репортаж с петлей на шее», «Ромео, Джульетта и тьма», румынский художественный фильм «Украли бомбу», а также несколько документальных лент, в том числе кубинский фильм «Смерть интервентам!».

В залах Центрального Дома литераторов, где в минувшее воскресенье встретились с московскими писателями зарубежные прозаики и поэты — делегаты и гости Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, было множество интересных встреч, разговоров, споров. В этот день корреспонденты «Литературной газеты» побеседовали с некоторыми писателями, гостями нашей столицы. Вот записи этих коротких интервью.

Шесть маленьких интервью

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
польский писатель

В Москве на конгрессе у меня было много памятных встреч. Но, быть может, самой памятной была встреча с посланцами из Южного Вьетнама. Год назад я был в этой охваченной огнем прекрасной стране, был в Лаосе, на демаркационной линии. Я видел настоящих героев, и я верю — они завоюют свободу. Вот почему я был рад с трибуны конгресса услышать голос сынов этой сражающейся страны.

Только что я закончил книгу о Лаосе, написал несколько репортажей о Конг Ле, с некоторыми из них «Литературная газета» познакомила советских читателей.

Клодин ШОНЕЗ,
французская писательница

Я находилась буквально в нескольких метрах от премьера Хрущева, когда он выступал на конгрессе. В Париже я видела его издалека, а теперь совсем близко. И прежде всего я отметила доброту его лица. Два с лишним часа я внимательно наблюдала за ним, убедившись, что он действительно такой хороший человек, как я о нем прежде думала. И я надеюсь, что он сделает много, чтобы люди могли жить в мире.

Из московских встреч мне запомнилась встреча на одном из московских заводов. Я видела русских рабочих — людей благородных, веселых и независимых. Их отличала горячность, которую, признаться, я не встречала в других местах. Впрочем, это вообще отличает русских. Сегодня утром я отправилась погулять в парк имени Горького, познакомилась здесь с одной молодой супружеской парой. Он — инженер, она — врач. Я знаю несколько русских слов, и с них началось наше знакомство. Мы пользовались русским, английским, французским языками и в конце концов объяснились...

Сембен УСМАН,
сенегальский писатель

Я пишу сейчас роман, посвященный борьбе африканцев за свободу, за будущее. Я совершил большое путешествие, побывал в 31 стране африканского континента. Летал самолетами, ездил на автомобилях, на верблюдах, ходил пешком.

Африка борется, Африка идет вперед — вот чему посвящен роман. Первый том уже закончен, над вторым — работаю. Конгресс ускорит его рождение, ибо он дал мне возможность увидеть огромную панораму жизни всего человечества. К тому же, и это очень важно, впервые за долгие годы Африка заняла почетное место на самой представительной ассамблее мира. Писатель, пишущий об Африке, не может не видеть этого огромного факта современной истории. Не зря мы, африканцы, нынче так много думаем о будущем, так много мечтаем. Я мечтаю о торжестве научного социализма на земле.

Хироси КИМУРА,
японский писатель

В прошлом году в Японии были переведены и изданы первый том мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь», роман Стельмаха «Кровь людская — не водица», «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова и другие советские книги. Читатель хочет познакомиться с молодыми советскими литераторами. Поэтому в ближайшее время я намереваюсь заняться переводом стихов молодых поэтов.

Я внимательно слежу за развитием советской литературы и предвижу ее блестящее будущее. Молодые силы, пришедшие в вашу прозу и поэзию в последние годы, дают право делать подобные заявления. Между прочим, в Японии недавно побывала большая группа советских писателей. Их визит вызвал новую волну интереса к вашей литературе.

Чеп ЧЕТС,
камерунский писатель

Иноземные империалисты препятствовали развитию нашей национальной культуры. Но теперь все громче и громче раздаются голоса камерунских писателей и поэтов. Они пытаются отразить в своих произведениях стремление народа к свободе и независимости...

В Москве на меня огромное впечатление произвел концерт, который словно дополнил программу конгресса. Участники концерта не только познакомили нас с замечательным искусством советского народа, но и наглядно продемонстрировали, как культура может служить борьбе за мир. Мне кажется, это было ясно для всех делегатов, прибывших из африканских стран. На этом концерте мы окончательно убедились в том, что народ, способный создать такое искусство, миролюбив в полном смысле этого слова.

Маркос АНА,
испанский поэт

Двадцать три года я провел во франкистских тюрьмах. Я был арестован в восемнадцать лет. Начались побои, пытки... Я был так изувечен, что три месяца подряд тюремные врачи перевязывали меня с головы до ног.

Судили ли меня? Да, дважды и дважды приговаривали к смертной казни. За что? Первый раз — за участие в руководстве Союзом социалистической молодежи; второй раз — за найденные у меня подпольные издания. Оба раза смертная казнь была заменена 30 годами заключения. Так что я должен был выйти из тюрьмы в 1980 году... Но требования международной общественности вынудили Франко выпустить меня 17 декабря 1961 года, после 22 лет 7 месяцев заключения. Выйдя из тюрьмы, я вынужден был сразу эмигрировать из Испании, чтобы выполнить поручение товарищей-политзаключенных: передать их благодарность всем, кто борется за их освобождение. С этим поручением я уже побывал в Англии, Италии, Франции, поеду в Швейцарию, Бельгию, страны Латинской Америки.

Сейчас я намерен сесть за большую прозаическую книгу «Ночи в тюрьмах», в которой мне хотелось бы рассказать о борьбе испанских коммунистов, о покуше томящихся во франкистских застенках... Об этой книге я начал думать в тюрьме, куда нелегально к нам попали «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Молодая гвардия» Фадеева, «Оттепель» Эренбурга, «Жатва» Николаевой, куда каким-то чудом попало письмо от Белояннниса из Греции, из камеры, где он сидел...

Таковы мои литературные планы. Но главной целью жизни остается борьба за свободу испанского народа.

...В заключение беседы Маркос Ана передал корреспонденту «Литературной газеты» свои новые стихи:

Когда шагну я в мир, навстречу жизни,
Я двери за собою не замкну.
Они всегда открыты будут людям,
И солнечным лучам, и ветру.

Пусть в дом заходит ночь, пусть день заглянет,
И синий дождь, и розовый рассвет.
Пусть трепетной волной в нем разольется
Зеленое дыхание полей.

Пусть, не стучась, войдет мужская дружба,
Перешагнет дверей моих порог,
Пусть ласточка влетит, как свежий ветер,
И пусть придет сюда моя любовь.

Мой дом, моя душа открыты людям —
Нет ни засовов, ни замков тяжелых.
Я жду вас всех, друзья мои! Я жду вас,
Лучи рассвета, ветер, облака!

Перевел с испанского
В. ОСТРОВСКИЙ

Не устанет рука, не опустится!

НА ВСТРЕЧЕ советских писателей с писателями Азии и Африки ганская поэтесса Элизабет Спио-Гарбра взволнованно прочла простые стихи о том, что дети всех стран должны взяться за руки, идти в будущее вместе и жить весело и дружно. Она сказала: ей очень хотелось бы, чтобы все родители научили детей этому маленькому стихотворению, потому что оно нужно для их будущего, для будущего мира. В ту минуту, наверное, многие подумали о своих детях, а кто постарше — о внуках; я же для себя решила: пора собирать дочери приданое. Разное готовят приданое. Мне кажется, мое приданое — самое дорогое. Я запаслась блокнотом и попросила разных людей написать мне несколько слов — пожеланий маленькой дочери. И люди разных стран с радостью, сердечной теплотой писали в мой блокнот добрые слова, обращенные к двухлетней девочке:

«Ольге в будущему поколению Союза Советов — горячий братский привет от юности борющейся Анголы. Марио де Андраде, поэт Анголы».

«Дорогая, любимая Оля. Когда ты станешь побольше, ты узнаешь о народе, который спасли советские люди, о чехословацком народе. И этот народ очень, очень любит вас, советских людей. Это значит, что я тебя люблю от всей своей души и желаю тебе только счастья. Твоя Густа Фучикова».

Португальский писатель Кастру Сароменьо, и итальянская партизанка Джойс Лусу, и японский юноша, и герой Кубы — все писали добрые слова с большой верой в светлое будущее детей.

А вот крупнейший поэт Африки Сембен Усман. Он написал: «О дне, памятном дне, когда ты станешь большая-большая, со всеми детьми вчерашнего дня мы думаем как о будущем мира и дружбы. Помни и ты, Ольга, и пусть помнят все дети те дни, когда мы собрались, чтобы до конца понять друг друга и любить друг друга».

Признаюсь, я пожалела, что мысль собирать приданое дочери не пришла мне раньше, а только накануне закрытия конгресса...

Зато с тем большей отчетливостью останется в моей памяти этот день, день закрытия. Последнее заседание. Заняты все места делегатов. Как будто обычное заседание, такое, каким были все предыдущие, и все-таки чувствовалась какая то особенная приподнятость и особое волнение. Должно быть, оттого, что за шесть дней все собравшиеся на конгресс сумели понять друг друга и полюбить друг друга. Один за другим выходят представительные делегаты разных стран: видный общественный деятель Ливана Антуан Табет, профессор из Польши Оскар Ланге, французский профессор Пьер Бикар, представитель Индонезии Ачаднат. Они рассказывают о работе комиссий конгресса и говорят, что, несмотря на то, что в процессе работы по частным вопросам порой бывали разные мнения, по главному вопросу комиссии достигли полного единодушия. И то, как принимает зал доклады комиссий, горячие аплодисменты зала говорят в первую очередь о том, что делегаты приветствуют именно достигнутое общее единодушие по главным проблемам, которые обсуждал конгресс.

Пьер Кот оглашает текст Послания к народам мира. Руки, руки, молодые и старые, черные, желтые и белые, взметнулись «за»! Председатель просит не опускать рук, чтобы дать возможность счетчикам провести подсчет, и каждый держит руку, высоко поднятую вверх, и никто не устанет держать ее так, потому что это — клятва за мир.

Нет, я не жалею, что у меня в блокноте не очень много записей, потому что я видела самое главное и сама сумею передать дочери в приданое улыбки и дружеские рукопожатия, взволнованные слова разных людей, съехавшихся на Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Конгресс, который доказал, что род человеческий может договориться о том, как ему жить, как сохранить жизнь на планете Земля. Представители различных политических партий, различных религиозных убеждений, самого представительного мирового форума сумели выработать единую точку зрения по главному вопросу конгресса — ЛЮДЯМ НУЖЕН МИР БЕЗ ВОЙН И ОРУЖИЯ.

Ирина ЛЕВЧЕНКО

Добрые всходы

В столице Армении — Ереване, есть проспект, который называется «Барекамутян», то есть проспект Дружбы. Символично это название. Символично не только потому, что такой широкий и красивый проспект должно было украсить именно простое человеческое слово «дружба», но и потому, что армянский народ, в течение своей многовековой истории изведавший многие несправедливости и козни недругов, испытавший горечь нашествия захватчиков, всегда жаждал дружбы, а значит, и мира. Ведь мир и дружба — близнецы. И этот новый проспект Дружбы идет из глубины веков через сердце народа и, преодолев все беды и ненастья, дошел до нас, до светлых берегов новой Армении.

— Семена мира всегда давали самые щедрые и добрые всходы, потому что они обласканы теплотой человеческого сердца, — так сказал мне однажды старик Оган Одабашян, хлебороб Араратской долины, человек седой, как Арарат.

— Бесконечно дорог нам мир. Он похож на восход, — говорил нам в Румынии в долине Баната крестьянин Сигорда Балаш из деревни Михая Витязя, посмотрев на восходящее солнце, на величественную картину Трансильванских Альп.

Не потому ли односельчане Балаша своему первому коллективному хозяйству, где дружной семьей живут и трудятся румыны и венгры, дали гордое имя «Знамя мира»?

Мир и Дружба! Этими бессмертными идеями согреты деяния многих миллионов и миллионов людей на всех материках земного шара. И вот сейчас они прозвучали в Москве на Конгрессе разоружения и мира, где собрались люди доброй воли, честные и мужественные, люди разных политических взглядов, различных религиозных убеждений, но единые в могучем стремлении видеть мир без войны, без ядерного оружия, видеть его таким, каким он должен быть, — ласковым, улыбающимся, озаренным светом, ибо этот виденный виды земной шар дан человеку только для счастья и на вечное пользование.

Послание к народам мира, принятое конгрессом, — это голос разума и воли, приговор войне и могучий призыв к миру.

Г. БОРЯН

ЕРЕВАН

ПИСАТЕЛИ: «НЕТ» ВОЙНЕ

Эти снимки сделаны в минувшее воскресенье, когда Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир уже закончился, но дружеские встречи продолжались.

Константин Федин и Изабелла Блюм вновь встретились в Москве, чтобы вместе с другими борцами за мир еще раз сказать «нет» новой войне. Фото А. Ляпина

Литературные новости

Готовятся, выходят, вышли...

— Какие книги молодых вышли в свет, подписываются к печати или выходят на днях? — Такой вопрос наш корреспондент задал работникам издательства «Молодая гвардия».

— Читателям уже известны многие авторы, книги которых выпускает наше издательство. Так что знакомства будут продолжены. Скоро читатели получат книгу В. Ревунова «Соловьиные ночи», посвященную морально-этическим проблемам. Рабочей молодежи посвящены повести и рассказы А. Фесенко «Листья одного дерева» и Б. Анашенкова «Чужая жизнь». О строительстве Красноярской ГЭС, о своих друзьях пишет рабочий-строитель А. Зябрев в книге «Енисейская тетрадь».

Скоро познакомится читатель с новыми именами. Е. Шатько дебютирует сборником повестей и рассказов «О чем кричат ласточки», В. Франюк острой полемической книгой «Пора надежд».

Поэзия молодых будет представлена книгами О. Фониной «Сыр-бор», И. Злобиной «Вёсны», С. Кузнецовой «Проталины», С. Евсеевой «Женщина под яблоней», И. Лысцова «Золотёна».

ИХ ИМЕНА НОСЯТ УЛИЦЫ

В Свердловском районе Москвы есть несколько улиц, которые носят имена писателей. Это и натолкнуло работников жилищно-эксплуатационной конторы № 8 на мысль провести несколько литературных вечеров, посвященных творчеству мастеров слова, чьи имена носят окрестные улицы.

Очень интересным был вечер, посвященный А. Чехову. С воспоминаниями о великом русском писателе выступили его племянница Е. М. Чехова. На вечере, посвященном писателю-гражданину Герою Советского Союза Д. Медведеву, выступили его боевые соратники и товарищи по перу.

Сейчас готовится большой вечер, посвященный творчеству А. М. Горького. Центральная улица столицы, которая носит его имя, также входит в микрорайон ЖЭК № 8.

Д. ГРАБЕ

ШИЛЛЕР В ГРУЗИИ

Государственное издательство Грузинской ССР «Сабчота Сакартвело» («Советская Грузия») выпустило в свет на грузинском языке трехтомник произведений Фридриха Шиллера. В это издание включены драмы «Разбойники», «Вильгельм Телль», «Коварство и любовь», а также баллады и стихи.

КНИГУ ОБСУЖДАЮТ ГЕРОИ ПОВЕСТИ

Три года назад состоялось первое знакомство писателя-дальневосточника Геннадия Гука с экипажем лайнера «Советский Союз». С того дня писателя и моряков связала крепкая дружба. Суровые морские будни, события корабельной жизни легли в основу новой повести Г. Гука «Бьется сердце корабля», выпущенной недавно Приморским книжным издательством.

А на днях на борту океанского лайнера состоялось необычная читательская конференция, в которой участвовали герои повести.

Много ценных критических замечаний и дружеских советов высказали писателю моряки.

(Наш корр.)

ВЛАДИВОСТОК

ПИСАТЕЛИ: «НЕТ» ВОЙНЕ

«Далеко от глаз, близко к сердцу», — гласит старая индонезийская поговорка. А здесь, в Доме писателей, Константин Симонов и поэт Ривай Апин, приехавший из страны трех тысяч островов, встретились лицом к лицу. Сколько интересных тем для разговора!.. Фото М. Трахмана

«О КОЛЧАКЕ, КРАПИВЕ И ПРОЧЕМ»

В Ростовской области, недалеко от станицы Вешенской, снимается новый фильм по мотивам рассказа М. Шолохова «О Колчаке, крапиве и прочем». Корреспондент «Литературной газеты» связался по телефону с Вешенской и попросил директора картины З. Дашевского рассказать о съемках.

— Рассказ «О Колчаке, крапиве и прочем» был написан Михаилом Александровичем Шолоховым в начале его писательского пути. Искрящийся юмором, динамичный рассказ этот — кусочек жизни донского казачества в период становления Советской власти.

Года два назад кинокритик Е. Моргунов начал работать над литературным, а затем и над режиссерским сценарием по мотивам рассказа Шолохова. В этом году начались съемки короткометражного черно-белого фильма. Над фильмом работает творческая группа Свердловской киностудии. Режиссер-постановщик Е. Моргунов, оператор И. Лонцин, композитор И. Дзержинский, в ролях снимаются артисты З. Цесарская, Н. Горлов, А. Гречаный и другие. Съемки идут на берегу Дона, у старого казачьего хутора Ерика. Выезжаем «на натуру» в половине пятого утра, а кончаем работу часов в семь вечера. Снимаем столько времени, сколько позволяет солнце.

— Недавно, — продолжает рассказ директор картины, — мы привезли из Москвы главного «героя» фильма, Колчака! Это пес, которого даже знатоки признают способным «актером».

В конце июля мы должны закончить съемки.

У ЭКРАНА ТЕЛЕВИЗОРА

Обозрение

ВСЕВИДЯЩИЙ ГЛАЗ ОБЪЕКТИВА

— Я завидую владельцам телевизионных приемников, — сказал журналист в ложе иностранной прессы.—Они видят все, — и он обвел зал широким жестом.

Действительно, куда ни глянь во Дворце съездов — повсюду телевизионные агрегаты. В партере, в ложах, на сцене стоят вовне штативов с черными ящиками-телекамерами люди, похожие на древних фотографов...

В эти вечера у домашних телевизоров собиралась обычно вся семья. Вот только одна из многих встреч, состоявшихся перед телевизионной камерой. Редакция попросила некоторых делегатов Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир ответить на вопрос «Нашей анкеты»: что предпринимаете вы и ваша страна, чтобы в ближайшее время был подписан договор о всеобщем и полном разоружении?

Запомнилась зрителям и «встреча за круглым столом», которую вел секретарь Всемирного конгресса В. М. Чхиквадзе. Это была оживленная дискуссия по важнейшим проблемам разоружения и мира, в которой приняли участие член секретариата комитета Всемирного конгресса Ив Шольер, лауреат международной Ленинской премии мира Айвор Монтегю, представительница Чили Ольга Уртубиа и другие.

Но, конечно, самой волнующей, незабываемой была встреча советских людей с Н. С. Хрущевым. Речь главы Советского правительства на конгрессе, переданная по телевидению, помогла зрителям еще глубже осознать мудрость нашей политики, глубокую уверенность в ее торжестве.

Работники телевидения стремились строить передачи живо и интересно, показать важнейшие черты конгресса. Экран убедительно свидетельствует о том, насколько широко представительство всех миролюбивых сил, групп и течений на конгрессе. Перед зрителями выступали делегаты Франции, Англии, Латинской Америки, Индии, Канады, Ливана, Бельгии, Японии, Мали и многих других стран.

И вторая особенность этого величайшего съезда борцов за мир также не осталась незамеченной. Конгресс собрал людей самых различных взглядов и убеждений. Советское телевидение многим из этих людей предоставило возможность высказаться откровенно. Даже в самой несхожести взглядов стало очевидно главное и объединяющее — страстная воля всех и каждого к миру.

Советские и зарубежные телезрители воочию увидели, что паролем тех, кто приехал в Москву, стало короткое слово действовать! И африканец Сана Диалло, и известный борец Латинской Америки Ольга Поблете, и ливанец Антуан Табет — все они говорили о конкретных шагах, которые предприняты или предпринимаются, чтобы обеспечить мир на земле.

К сожалению, не все попытки отыскать новые пути и оживить форму телевизионного рассказа о конгрессе были плодотворны. Серьезной критики заслуживает дикторский текст «Экрана международной жизни», — по телевидению дикторы произносили слащаво-сусальные, лишенные действенного и конкретного содержания слова.

Закончив свою деятельность в Москве, Всемирный конгресс продолжится делами и борьбой людей Земли. Будем же надеяться, что не устанет глаз объектива, что телевизионный экран откроет нам новые страницы подвигов, совершенных во имя мира на земле.

ПЯТЕРО ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Пятеро живут в тайге, роют котлованы. Потом придут монтажники, поставят стальные опоры. А потом электрики навесят провода... Пятеро незаметных и незаменимых из большого отряда строителей кончат работу и отправятся на новое место. Землекопы. Впереди идущие. Те, кто в строительстве открывает дорогу остальным. Всегда. И в эту весну, в распутицу, когда наступила пора первых ливней. Так и называется новый телевизионный спектакль, поставленный режиссером Б. Голубовским (пьеса А. Преловского) — «Пора весенних ливней».

Неторопливо монтаж отдельных сцен спектакля и скромна обстановка: комната таежного зимовья и еще уголок леса, мокрого и шумящего под дождем. И однако одного часа оказывается достаточно, чтобы зазвучала, выделилась, убедила нас главная мысль спектакля. Этих пятерых — совсем юную Верочку (С. Горохова), и демобилизованного Танкиста (Е. Васильев), тоскующего по штурвалу трактора, и человека жестокой судьбы Векшина (Н. Терешин), прошедшего через немецкий плен и испившего у себя на родине горькую чашу недоверия, и красавицу Марью (О. Андрианова), и Федора (Ю. Кротенко), первого среди остальных, хранящего в душе большую гордость рабочего человека, — всех этих пятерых соединяет не только общая крыша над головой. Судьбы этих людей — нелегкие и разные, но дорога у них одна. Мы поверили в общность этих пятерых с теми, чьей частицей они являются, кто множит и продолжает их дело. Эта общность — в характерах, взглядах на жизнь и на свое место в жизни.

Не случайно так упрямо не принимают они «чужака» — нового бригадира Кандаурова (И. Назаров). Их жизнь — для людей. Этот же живет для себя. И незаурядная энергия его, и умение работать, и организаторский талант — все для себя, для своего утверждения, возвышения в жизни. Не случайно они, а не он, остаются, когда уже законченной работе грозит гибель: котлованы могут быть затоплены. Кандауров уходит, потому что он чужой, случайный попутчик среди людей.

Жанр телевизионного спектакля слишком молод, чтобы уже сегодня канонизировать его законы и приемы. Но спектакль Б. Голубовского показывает, что театральные режиссеры еще не овладели в совершенстве спецификой телеэкрана. Отрешаться от телевизионной выразительности опасно. И опасность эту где-то не учитывают создатели «Поры весенних ливней». Неторопливость повествования становится к финалу вялостью. И что самое серьезное — в этом замедленном, неоправданно ленивом ритме решается конфликт Кандаурова и пятерки. Конфликт серьезный, принципиальный, требующий для своего выражения иных, более ярких и действенных средств.

ЧТОБ НЕ ТУСКНЕЛ ОГОНЕК...

Заглянуть «на огонек» — значит невзначай, просто так зайти в гости. Так я назвали еженедельные субботние передачи из нового телевизионного кафе.

Московских телезрителей потянуло «на огонек», веселый, ласковый, будто засветившийся прямо в твоем доме.

Подкупала искренняя, дружеская, порой деловитая, порой шутливая обстановка вечернего кафе. Разнообразная концертная программа «разбавлялась» неожиданными интервью, политическими новостями, сообщениями о самых свежих событиях в искусстве, спорте...

Прямо с конкурса приезжали пианисты; комментаторы, волнуясь, рассказывали о далеких футбольных баталиях, знаменитые гости Москвы заходили на огонек, за чашкой горячего кофе дружески беседовали с вами.

Зрителям было уютно, интересно.

Почему же вдруг будто остыл телевизионный огонек? Замигал скучновато. Передача стала похожей на заурядный эстрадный концерт. Почему «на огонек» стали съезжаться, словно по скучной обязанности?

Вот вечерняя субботняя передача от 7 июля. Новые стихи Назыма Хикмета и живой разговор с ним; фрагменты фильма «Человек идет за солнцем», два отличных номера артистов вьетнамского цирка... И все, пожалуй, из интересного.

А вечер — долгий.

Ведущий, артист Гриневич, бодрым, веселым голосом объявляет следующий номер. За столиками откровенно скучают статисты и гости, ожидающие своего «часа»: кофе выпито, делать нечего, идет обыкновенный эстрадный концерт, играет музыка, несколько пар весело танцует, а остальные «весело» смотрят им на ноги. Кончился танец. Ведущий начинает что-то говорить и на полуслове умолкает.

Очевидно, замечает, что очень похож на «массовика Вовочку Веселкина», которого сам изображает с блеском в одной из своих сатирических миниатюр. Но не здесь, а в эстрадной программе Розиера...

В передаче исчезло главное — сердечность и непринужденность, насыщенность интересными встречами, выступлениями.

В субботу, 14 июля, телезрители вновь собрались «На огонек». Но это была уже показанная однажды программа телевизионного кафе.

Неужели редакция музыкальных программ Центрального телевидения, с такою любовью, выдумкой и вкусом засветившая этот «огонек», даст ему угаснуть?

ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ

САМОЕ ДОРОГОЕ

Л. ГЕРАСКИНА

ЕЩЕ в то далекое время, когда нас учили по «Дальтон-плану», я не любила нашего директора школы. Все ребята не любили его. Это был самовлюбленный, похожий на Чемберлена человек, с холодными надменными глазами и никогда не улыбающимся ртом. У нас в школе был административно-хозяйственный уклон, и директор преподавал счетоводство. Никто из ребят нашего класса не хотел стать ни счетоводом, ни статистиком, но мы тихо изнывали на уроках директора, не смея пикнуть. А он нас будто и не замечал. Смотрел поверх наших забубенных голов и монотонно разъяснял что-то скучное до отвращения. Никого из нас он не знал по фамилии, а мы ненавидели в нем все, даже его фамилию — Леденёв.

Не знаю, как другие ребята, но я его запомнила на всю жизнь. Он хотел исключить меня из школы. Может быть, я и была виновна, но не настолько. В школе ходили слухи, что у Леденёва умерли одна за другой три жены. Говорили, от болезней, но мы были уверены, что с тоски. Конечно, не следовало нам сваливать в личную жизнь директора и называть его «Синей бородой», но тогда мы еще не умели безошибочно решать, что следует делать, а что не следует.

Однажды на уроке счетоводства, чтобы развлечь себя и ребят, я написала на него эпиграмму.

Стихи пошли таким образом попали к директору, и я вылетела из школы. Педсовет и комсомольская организация с трудом отстояли меня. «Синяя борода» даже не счел нужным поговорить со мной, хотя на единственной эпиграмме была единственным проступком, который я совершила.

Повзрослев, я встречалась с многими учителями и директорами школ, писала о них, изучала их работу, читала о них почти все, что появлялось в периодической печати. Прошло много лет с тех пор, как я окончила школу, но Леденёв не забывался. Когда я встречалась с знакомыми директорами, я радовалась тому, что они не похожи на него, когда сталкивалась с такими, равнодушными и холодными — неумирающий Леденёв ярко воскресал в памяти.

РАНЕЕ я в газете «Литературная Россия» работала часто писала о школьниках и учителях. Моя любовь к школе не прошла с возрастом. Однажды редактор поручил мне написать о воспитании детей в семье и в школе. Он посоветовал заглянуть в самую лучшую школу города. Я не сомневалась, что нашла эту «образцово-показательную» школу, которую горсовет всегда с гордостью демонстрировал краевому руководству и столичным инспекторам. Здесь все было «самое лучшее». Стопроцентная успеваемость. Ни одного второгодника. Лучшая художественная самодеятельность. Лучшие шефы. Лучшие спортсмены.

Заведовала этой школой бойкая дама лет сорока. Она была энергичной, жизнерадостной и разговаривала басом. Вот из этой-то школы редактор и велел мне черпать светлые краски, чтобы моя статья как-нибудь «не перекосилась в отрицательную сторону».

Я пришла туда. Сначала я слушала. Слушала все дифирамбы, которые пелись сольно и хором и учителями, и школьниками, и директором. А потом стала смотреть. И увидела, что в этом филиале рая на земле все было не так, как мне старались представить. Успеваемость бесстыдно завышалась, второгодников не было потому, что их своевременно спихивали в другие школы. Погоня за дутой славой развивала в ребятах тщеславие и лицемерие. Надо было видеть ужас бойкой дамы, когда она узнала, что двое ее воспитанников — сыновья крупных краевых работников — уличены в краже книг. Ее потряс не самый поступок ребят, а возможность огласки. Перейдя с баса на тенор, она униженно умоляла не чернить общепризнанной репутации школы, просила понять, кто будет задет в этой статье, какие последствия повлекут разоблачения для школы, для нее лично и даже для автора статьи.

Один из расхитителей книг учился в другой школе, в ней мне как-то не приходилось раньше бывать. Здесь не было почетных грамот, спортивных кубков и вышитых салфеток под горшками с фикусами. Процент успеваемости не исчислялся трехзначной цифрой. Были тут и второгодники.

Директор школы старый и угрюмый на вид человек, терпеливо выслушав меня, сказал:

— Товарищ корреспондент, Колю в обиду не дам. Я его всем знаю. Да, случалось. Но больше не случится. Мы уже пережили это горе. Все пережили: Коля, его семья и мы — школа. Мальчик был серьезно наказан, он понял свою вину, отстрадал. Не надо выставлять его на позор. Непедагогично это и грубо.

Я высказала было предположение, не боится ли он тоже за репутацию своей школы. Директор посмотрел на меня долгим взглядом, от которого мне стало не по себе.

— Если вы ничего не поняли, то пишите, — тихо сказал он. — Пишите, если вам совесть позволяет.

Когда я шла по коридору, ребята смотрели на меня настороженно. У ворот встретила старшеклассников. Видно, они хотели что-то сказать, но не решались. И я неожиданно сама спросила их:

— Ребята, а вы любите своего директора?

Они сразу просветлели, заулыбались, заговорили наперебой, и я узнала, что их хороший директор самый лучший, самый умный, самый строгий, но самый справедливый и даже самый красивый человек на свете.

Потом я часто приходила в эту школу и убеждалась, что они были во многом правы. Конечно, это был не единственный хороший директор из всех, которых я знала. Но именно после встречи с ним загорелась мечта написать о человеке, которому так высоко доверяют, которым обязывает его народ, поручая как воспитывать своих детей. И я задумалась о наших писательских заботах. Конечно, это нелегкая задача — создать положительный образ директора школы, подобный его любви. Ведь это должен быть человек, обладающий высоким даром. Всей своей жизнью и деятельностью он должен учить ребят быть искренними, правдивыми, воспитывать в них не показной, а подлинный патриотизм. Он должен быть способным стать выше мелких интересов и мужественно утверждать все новое и прогрессивное во имя великих принципов коммунистического воспитания молодежи.

И в то же время он должен, именно должен, быть по-человечески обаятелен.

Все это я думала, когда писала сценарий «Откровенный разговор». Главный герой будущего фильма — директор школы.

В СОВРЕМЕННОЙ школе происходят новые глубокие процессы. Ведь закон об укреплении связи школы с жизнью внес огромные изменения в деятельность педагогов, жизнь учеников. Работая на производстве, школьники чувствуют себя не иждивенцами общества, а тружениками, создателями материальных ценностей.

Директор одной московской школы рассказывал, как однажды, присутствуя на собрании рабочих завода, где работали его воспитанники, он был приятно удивлен их поведением. Даже те, кто в школе не был большим общественником, здесь выступали горячо и страстно. Они смело высказывали руководителям завода свое недовольство изъянами в организации производства, критиковали косных мастеров. «Досталось» и рабочим за посторонние разговоры, долгие «перекуры» и неряшливость в работе. А один паренек, из тех, кого педагоги называют «средним» или «благополучным ребенком», вдруг выступил с пламенной речью и очень остроумно изобразил в лицах нелепые переговоры нерадивого токаря с бестолковым наладчиком станков.

Директор школы говорил, что на рабочих критические выступления старшеклассников произвели большое впечатление. Им нравилось, что ребята не «отбывают практику» на заводе, не приходят сюда, как на экскурсию, а по-настоящему включились в жизнь завода.

И вот эти же старшеклассники назавтра приходят в свою школу, а здесь нередко их из-за пустяка грубо обрывает учитель. Такому педагогу безразлично, сколько лет какому-нибудь Саше Иванову: семь или семнадцать. Иванов — ученик, и этим все сказано.

Все непримиримей становится борьба творчески работающих учителей с холодными «руководителями» и формалистами, которые убеждены в непогрешимости своих методов преподавания и воспитания. Расшатывается вредное представление о том, что «непедагогично» изображать в книгах плохих мам и пап, а тем более плохих учителей и пионервожатых. Дома и в школе ребята могут наблюдать их, а вот читать о них в книге — нельзя. Как будто ребята не способны понять того, что видят собственными глазами в жизни. Откуда возникло такое странное мнение, что правда доходит до их сознания лишь будучи воплощенной в художественных образах?

Мы воспитываем нового человека, который будет жить в коммунистическом обществе.

Очень трудная и сложная задача! Кто, как не учителя, больше всех понимает сложность и чувствует ее трудность.

У каждого из нас был любимый учитель. А какой предмет казался вам интересным и лучше усваивался? Конечно тот, который преподавал любимый учитель.

Но есть и иные... Они лишь «обеспечивают прохождение программы». Формализм в преподавании и воспитании такие педагоги целиком переносят на производственное обучение.

НА ФАСАДЕ одного дома в Пятигорске, на улице Дзулавского, — мраморная доска: «Этот дом выстроен первой школьной строительной бригадой учащихся школ города Пятигорска № 2, 5, 8, 9 и 16».

Как много романтики в строительном деле! Но я узнала, что не только ради романтики старшеклассники пятигорских школ стали каменщиками, бетонщиками, штукатурами.

Руководители Пятигорского горкома партии серьезно задумались над тем, что будут делать выпускники средней школы, когда отзвенит последний звонок. Местные предприятия небольшого города не могут обеспечить всех работой. Значит, часть их будет вынуждена уехать, оставить семью и родной город, чтобы где-то найти себе работу и место в жизни. А чем займутся те, которые не смогут уехать?

Это сложный вопрос для юных жителей почти каждого городка, каких немало в нашей стране. Вот если бы ребята умели строить!.. Строители нужны везде: и в родном городе, и далеко за его пределами. Выполнение грандиозного семилетнего плана строительства требует целой армии квалифицированных мастеров.

По-отечески заботясь о будущем своих воспитанников, директора пяти школ организовали первую строительную бригаду школьников в Пятигорске. Бригада получила задание построить на улице Дунаевского жилой дом. Дом построен в срок. На стройке ребята обучались различным строительным специальностям. Многие из них, окончив школу, стали настоящими строителями.

Директора пятигорских школ не побоялись трудностей, связанных с новым и необычным делом. Это были люди, смело идущие вперед. Они не испугались, что необычная затея «нарушит учебно-воспитательный процесс».

ДИРЕКТОР школы. ...Проходят годы, школьники становятся взрослыми людьми, женятся и выходят замуж, у них рождаются и растут дети. И бывает так. Когда ребенку исполняется семь лет, отец ведет его за ручку в свою школу и говорит директору:

— Николай Иванович, мне очень хочется, чтобы мой Коля учился в нашей школе. Мне очень хочется, чтобы и его воспитывали тоже вы.

Ему доверяют самое дорогое. И этим сказано все.

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ПИСЬМА

В результате врачебной ошибки...

В редакцию пришло письмо из Краснодарского края. Работники сберкассы № 1853 гор. Апшеронска с болью писали о бездушном отношении местных врачей и их товарищу по работе Евгении Александровне Забиякиной.

По просьбе редакции краснодарский писатель В. Монастырев проверил факты на месте. Вот что он рассказывает.

В январе 1961 года сотрудница сберкассы города Апшеронска Евгения Александровна Забиякина, идя на работу, упала и повредила правую руку. На другой день она обратилась в поликлинику. Там установили диагноз — вывих плечевого сустава. Вправили вывих, но больной становилось все хуже, рука перестала подниматься. Врач Причинин и хирург-консультант Мильковский утешали:

— Все пройдет, разрабатывайте руку.

Но больной не становилось лучше. И только через три месяца врачи обнаружили, что у Забиякиной был не вывих, а перелом.

Забиякина спросила у лечивших ее врачей: что же дальше? От нее отмахнулись. Евгения Александровна написала в Москву. По указанию Министерства здравоохранения РСФСР была проведена проверка, и появился документ:

«...Хирурги поликлиники не разобрались в повреждении и неправильно диагностировали заболевание, в результате чего лечение проводилось неправильно. В настоящее время у гр. Забиякиной имеется значительное ограничение движений в правом плечевом суставе из-за неправильно сросшегося перелома.

За невнимательное отношение и диагностические ошибки врачам, лечившим гр. Забиякину, приказом по крайздравотдела объявлен строгий выговор.

Данный случай обсужден на врачебной конференции врачей Апшеронского района».

Как ни странно, но в этом документе ни слова о том, как помочь больной.

Евгению Александровну вызвали к главному врачу Апшеронской больницы.

ГЛАВВРАЧ. Так это вы писали, что мы отказались лечить вашего ребенка?

ЗАБИЯКИНА. Я писала о себе.

ГЛАВВРАЧ. Как о себе? В каком году вы у нас лежали?

ЗАБИЯКИНА. Я не лежала у вас.

ГЛАВВРАЧ. Так чего же вы все-таки хотите от нас?

...Потом были разные комиссии. Евгению Александровну с подозрением спрашивали, сама она решила добиваться инвалидности или ее кто-нибудь надоумил. Женщина не может постирать, причесаться, поднести правой руной ложку ко рту, а ее встречают недоверчивыми взглядами: «У вас работа легкая, вот если бы вы работали грузчиком, тогда другое дело...»

Лишь после вмешательства общественности Евгению Александровну положили в больницу и сделали операцию. А ведь могло бы и не быть ни столь длительной болезни, ни инвалидности, ни операции, если бы врачи в свое время проявили больше профессиональных требований к себе и элементарного внимания к больному человеку, желания помочь ему.

ФЕЛЬЕТОН

Александр ЛАЦИС

Третья глупость

ПОЛНОЕ название научного института, в котором случилась первая, а затем и вторая глупость, запомнить невозможно. Сокращенное — тоже не выговоришь. Не то Главфеофан, не то ВНИИлагфанед. Однажды заместитель директора по хозчасти вызвал к себе академика Аллергенова и сказал:

— Неблагополучно в нашем Феофане с кадрами. Придется принимать меры. Ведь что получается? Едут люди в экспедиции. Длительное время бродят по тайге. Возникает дружба. Позор!

— Не понял. Что тут плохого?

— Плохо то, что дружба, как правило, переходит в любовь. Потом образуется семья. Позор!

— Не понял. Если бы человек в своем коллективе — как это у вас называется — подружился и если бы — как это называется — не женился, вот тогда, действительно, было бы плохо. Даже безнравственно. Даже позор.

— Вы рассматриваете вопрос не в том конспекте, — возразил заместитель, упорно путавший аспекты и конспекты. — К чему привела вся эта нравственность? К безобразию. К росту показателей семейственности. Лучше десять персональных дел, чем пять случаев женитьбы. Ведь за процент семейственности не с них, а с нас спросят. Надо либо уволить жен, либо сократить мужей. Проведем маленький разгон кадров, и сразу по линии семейственности наш Феофан выйдет в ряды передовых...

Сел в свое кресло и накатал заявление:

«В Президиум всея Академии. От Кусаева-Локтева. Заявление. Находясь при исполнении служебных обязанностей в своем рабочем кабинете, я был оскорблен академиком Аллергеновым, произнесшим, неоднократно в мой адрес, «боже мой, какой он дурак!».

Считая имевший место факт недопустимым, прошу сурово осудить и принять соответствующие меры, во избежание повторения подобных, неуместных в рабочее время выражений».

Из президиума заявление переслали по принадлежности в бюро отделения соответствующих наук. Руководитель отделения прежде всего запросил Аллергенова: не сочтет ли академик за благо принести свои извинения тов. Кусаеву-Локтеву? Дабы на поступившем заявлении было бы возможно сделать соответствующую надпись: «Вопрос отрегулирован», я дело закрыть...

Но академик не признал, а усугубил, ответив, что самый факт подачи такого заявления подтверждает бесспорную истинность его высказываний.

Когда на кого-то что-то поступает и разбираться в этой кляузе неохота, гибкая наука спихотехники рекомендует создать комиссию из трех человек. Члены комиссии должны быть не ниже по чину и званию того лица, о коем подана бумага. На сем основании в комиссию включили трех академиков.

Кажется, именно на этом месте, а скорее всего, гораздо раньше, Аллергенов махнул рукой и сказал как бы сам себе, но довольно явственно:

«Боже мой, какой он дурак...»

Заместитель от неожиданности так и сел.

Академики, люди добросовестные, но отнюдь не лишенные чувства юмора, на заседаниях комиссии стали произносить длинные речи, которые принимал всерьез один лишь Локтев-Кусаев.

Первый академик в своем выступлении напомнил, что факты — пища ученого. Поэтому прежде всего необходимо установить: Что было сказано? О ком? Какова была интонация? Какой смысл?

Комиссия зафиксировала, что Аллергенов сказал: «Боже мой, какой он дурак...», что интонация была печальная, а смысл — прямой.

Второй академик выступал в несколько старомодном стиле:

— Один из членов нашей ученой корпорации назвал другого члена нашей корпорации... Вот, значит, прямо так и назвал... У нас нет оснований, с одной стороны, не верить в присущую академику Аллергенову основательность суждений, с другой стороны, у нас также нет оснований сомневаться в искренности возмущения товарища Кусаева-Локтева. Не будучи лично знаком с уважаемым товарищем Локтевым-Кусаевым, я не могу судить, насколько данная ему оценка является точной и исчерпывающей.

Третий академик выступал на высшем интеллектуальном уровне. Обилие специальных научных терминов повергло Локтева-Кусаева в состояние чрезвычайного умственного напряжения. Потом академик сжалился и перевел сказанное им на общедоступный язык: «Итак, резюмирую. Рассматриваемое явление следовало бы обозначить, как анизотропную грубость. Поясняю термин. Обычная, простая грубость направлена сверху вниз, от вышестоящего к подчиненному. В данном же случае имела место грубость, направленная в противоположную сторону. Подобная грубость не может вызвать столь резкого осуждения, поскольку мы должны всемерно поддерживать критику снизу».

Комиссия ни к какому решению не пришла и постановила: представить собранные материалы на рассмотрение бюро отделения соответствующих наук.

Что будет дальше?

Скорее всего, Локтева-Кусаева снабдят длинной характеристикой весьма лестного свойства. Ту, краткую, которая начинается со слов «Боже мой...» в текст не включат. Впрочем, давно известно: не та важна характеристика, какая пишется, а та, которая по телефону дается. Кто-нибудь позвонит в Феофан и спросит: если все было так хорошо, так хорошо, то что же, все-таки, плохо?

...Пройдут дни и месяцы. Уже лифтерши и гардеробщики Главфеофана забудут, какой из себя был Локтев-Кусаев, а заявление будет снова включаться в повестку и снова переноситься на следующее заседание, поскольку не все члены комиссии присутствуют. А члены комиссии заняты делом, своими научными проблемами. И уже увенчаются новыми успехами их новые труды, а заявление все еще будет вращаться. Пока не сгорит от краткой надписи, смело и решительно сделанной своенравной секретаршей: «В архив. Без ответа».

Грешно смеяться над человеком, который не рад, что сам себя осмеял. Во-первых, рассуждениями насчет опасных последствий любви и дружбы, во-вторых, своим поспешным заявлением. Но нас интересует не первая глупость и не вторая, а третья, в которой не Локтева-Кусаева надо винить. Третьей глупостью является неписаное правило: чем крупнее ученый, тем настойчивей втаскивают его маститое имя в составы каких-то локтекусаевских комиссий. Третья глупость попусту теребит серьезных, занятых людей.

Впрочем, стоит ли объяснять, что глупость приносит не пользу, а, напротив того, вред?

Объяснять и без того ясное — это была бы четвертая глупость.

Новая книга Ильи Вражнина называется «Плоды и корни». В своем «Вступлении в книгу» автор пишет: «Герой этой книги совсем не похож на обычных моих героев. Он сложней всех прежних. Имя ему — художнический труд».

Этому активному герою посвящена и глава из нового произведения И. Вражнина, которую мы сегодня печатаем.

Илья ВРАЖНИН

Руки мастера

ГОДА два тому назад я написал стихотворение, которое называлось «Руки». Вот его начальные строки:

Руки сделали мир
земной,
Все в нем сладили,
смастерили.

Сколь ни странным это может показаться, но строки эти сложились в кабине самолета.

Внизу, передвигаясь пешком или в машине, мы всегда видим лишь малую дольку земли, тупичок, ограниченный стеной дома, рощицей, луговиной, чуточный лоскуток ее поверхности, который может оглядеть незоркий наш глаз.

И только поднявшись в воздух, можно увидеть огромный плат земли, неоглядные пространства ее, зримый чертеж сделанного на земле.

Светлая стрела шоссе рассекала подо мной темные купы зелени. Мягко изогнувшись на большом округлом повороте, убегали к краю земли блестящие, как ножи, полоски рельсов. Меж холмами прилег городок. Дружно скученные прямоугольники домов разграфлены были строгими линиями улиц и переулков. Через стеклянные речки протянулись палочки мостов. Строго расчерченные, лежали в стороне от них разноцветные полосы посевов.

Подо мной была земля, преображенная руками человека.

Я всегда завидовал людям, делающим вещи. Вещи служат людям, несут им добро, облегчая и украшая их жизнь. Путь служения человеку тут прямой, зримый, очевидный. Сделавший вещь знает, что он сделал доброе дело. С гуманитариями все сложней, все менее очевидно.

Признаюсь, живет во мне особая приверженность к действователям и делателям вещей. Я, конечно, понимаю, что, прежде чем сделать вещь руками, ее надо вымыслить головой. Я не могу не видеть, что нужны и теоретики-филологи, и педагоги, и другие гуманитарии. Я понимаю, что важно не только вырастить хлеб и построить дом, но и окрылить душу человека. Но понимание — пониманием, а склонности — статья особая. Руки человека — это сердечная моя склонность.

Вот почему и в художнике я всегда ценю не только художника, но и уверенного ремесленника, хорошо знающего свое дело. Вот почему и в своем писательском деле я очень люблю ремесленную часть его, ту работу, которая непосредственно связана с материалом, из которого все и делается.

Как понятна мне радость старого Кола Брюньона, который весь искрится, говоря: «Вооруженный топориком, долотом и стамеской, с фуганком в руках, я царю, за моим верстаком, над дубом узлистым, над кленом лоснистым. Что я из них извлеку?.. Сколько я них дремлет форм, таящихся и скрытых! Чтобы разбудить спящую красавицу, стоит только, как ее возлюбленный, проникнуть в древесную глубь... Как хорошо стоять, с инструментом в руках, у верстака, пилить, строгать, сверлить, тесать, колоть, долбить, скоблить, дробить, крошить чудесное и крепкое вещество, которое противится и уступает, мягкий и жирный орешник, который трепещет под рукой... Радость верной руки, понятливых пальцев, толстых пальцев, из которых выходит хрупкое создание искусства!.. Мои руки — послушные работники, управляемые моим старшим помощником, моим старым мозгом, который, будучи сам мне подчинен, налаживает игру, угодную моим мечтам. Служили ли кому-нибудь лучше, чем мне? Ну, чем я не царек?»

Мне отрадно вместе со старым неуемным Кола петь этот вдохновенный и радостный гимн ремеслу, гимн рукам мастера, преображающим материал в угоду чудному вымыслу. Я, как и Кола, люблю «пилить, строгать, сверлить, тесать, колоть, долбить, скоблить, дробить, крошить чудесное и крепкое вещество, которое противится и уступает». Под руками у меня не «дуб узлистый», не «клен лоснистый» и не «мягкий и жирный орешник», как у старого Кола, а слово, но никакой разницы от того нет. Мой материал так же «трепещет под рукой», как и материал старого резчика. Слово, так же как и дерево, «противится и уступает», с той разницей, что противится всегда, а уступает далеко не всегда. И как же мучительно бывает иной раз это противление! Помню, я как-то сидел у Анны Андреевны Ахматовой, и мы заговорили об этом трудном в писательской работе. Я взмолился:

— Анна Андреевна, как же приходит слово? Скажите, как это у вас?

— Анна Андреевна ответила в раздумье:

— Это ведь по-разному. Как когда. Я на этот вопрос дала подробный ответ в стихах. Вот. Называется «Последнее стихотворение».

Анна Андреевна взяла со стола тетрадку с длинноватыми страницами и прочитала протяжно и нараспев:

Одно, словно кем-то
встревоженный гром,
С дыханием жизни
врывается в дом,
Смеется, у горла
трепещет,
И кружится, и
рукоплещет.

Другое, в полночной
родясь тишине,
Не знаю откуда
крадется ко мне,
Из зеркала смотрит
пустого
И что-то бормочет
сурово.

А есть и такие: средь белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в оврага.

А вот еще тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук,—
Хранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

Но это!.. По капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь.
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды —
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

«Последнее стихотворение», позже опубликованное, входит в цикл стихов Анны Ахматовой, носящий название «Тайны ремесла». Эти иногда вовсе не тайные тайны есть у каждого художника, у каждого писателя. У всякого они как будто свои, особые, и в то же время они всеобщи.

«Радость верной руки», о которой так прекрасно рассказал нам старый Кола, испытывал и испытывает всякий художник и всякий ремесленник. Это очень радостная радость, очень полнящая, очень чистая. Я люблю ее. Я люблю свой верстак, возле которого она селится. Я люблю его, пожалуй, сильней, чем заоблачные обиталища муз.

Работа за письменным столом мне больше по душе, чем выдумывание и обдумывание. Отдельно от стола, от лежащего передо мной листа бумаги я вообще думаю с натугой и плохо. Только с пером в руке думается о работе и путях ее хорошо, с той внутренней оживленностью, с той точной направленностью, с той емкостью и находчивостью, с тем высоким коэффициентом полезного действия, с той полнотой прикрепленности каждой конкретной мысли к общему, с той ладностью и настроем, какие могут быть только за письменным столом, когда руки немедля делают то, чего просит душа и что измыслила голова, что им нужно, чего они ждут и жаждут.

Все в эти добрые часы и минуты делается с той расчетливой удачливостью, при которой обязательно найдешь нужные слова и нужную мысль. Все делается с той рабочей одухотворенностью, которая одна может преображать нематериальную мысль в материальную строку, ей равнозначную, и которую, верно, и надо считать и называть вдохновением.

Это вдохновение обязательно связано с увлеченностью своей работой, своим ремеслом. Без этой ремесленной увлеченности оно не является. Натуживаясь мыслью, его не вызовешь, даже сердечной радостью его не родишь. Оно не наитие, как принято думать. Оно — рабочее состояние, связанное с самим процессом работы. Без работы оно не приходит. Охотиться за ним в отъезжем поле и призывать, дуя в охотничий рог,— напрасный труд. Оно приходит только к верстаку, когда сидишь, так и сяк примеряясь, как бы поплотней и половчей сбить слова в строку и в сцену, как их выгранить, вычертить, выплести, вылепить, высечь.

А потом сидишь, прищуря жадный, ищущий и веселый глаз, меряя незримым никому мерительным инструментом — хорошо ли сделалось. И, случается, смеешься от радости, что так хорошо сделалось. А наутро, увидя, что все не так и не то, перечеркиваешь сделанное, перекраиваешь и начнешь все сызнова.

Жестокая работа. Отчаянная работа. Истощающая и радостная. Мастерская дятла. Школа мужества и терпения. Школа всех свершений в искусстве. В ней обучались все великие. И через нее должны пройти все малые. Без ремесла нет искусства. Оно — и слуга, и наставник. И когда художник, стоя на распутье, не знает, что делать и куда идти, чаще всего спасает ремесло. Горький советовал стоящему на распутье: начни работать, и работа сама начнет тебя учить. Не напрасно и самый талант Алексей Максимович определял как любовь к труду.

Нет лучшего советчика и учителя, чем труд. Чтобы прочно жить в искусстве, нужно знать ремесло, и не просто знать, а отлично знать. Художник — обязательно мастер.

— Это верно, — подтвердил Константин Александрович Федин, когда я прочел ему эту главу. — Художник — обязательно мастер.

Он задумался. Потом заговорил, привычно обжимая потухшую трубку длинными цепкими пальцами и уставясь в меня огромными выпуклыми глазами:

— Вот. Послушайте. Как раз ваш материал. В тридцать втором году я гостил в Бильнёве, у Роллана. Мы сидели в его кабинете. Я обратил внимание, что на рукаве у Роллана повязка из черного крепа. Я, конечно, не спросил, почему сегодня на нем этот траурный креп. Но он перехватил мой взгляд в его сторону и сказал: «Это память об отце. Сегодня годовщина его смерти». Мы долго сидели в кабинете. Потом прошли в столовую. И здесь я увидел массивный буфет, крепко и добротно выделанный, по-видимому, из того самого дуба узлистого, который так любил пилить, строгать и тесать веселый искусник Кола. Буфет украшен был превосходной резьбой. Деревянные розы и плоды виделись, как живые. Я залюбовался отличной работой. Роллан сказал: «Это его работа. Моего Кола. Я ведь с него, с моего отца, писал Кола Брюньона. Он умер девяноста трех лет от роду.

Константин Александрович кончил свой недлинный рассказ. Я повторил машинально:

— Девяноста трех лет от роду...

Я думал о старом неуемном Кола и о том, другом, кто выделал прекрасную, долговечную вещь... Его уже нет. А сделанное им есть, живет и долго еще будет жить. Мастерски сработанные им плоды и цветы и сейчас радуют глаз и веселят сердце. Мастер умирает. Мастерство его остается людям. Оно радует и учит.

Мастер приходит в этот мир, чтобы радовать и учить. А при этом он сам учится. Учится всегда и у всех — от рожденья и до последнего своего часа. И, учась, совершенствуется в трудном своем деле и совершенствует самое дело.

В этом — непреходящая радость и некорыстная плата за мастерство, которую щедро получает всякий мастер.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Утренний город

Все, как прежде,
все, как прежде, в этом городе:
магазины,
бани,
фабрики,
химчистки,
ожиревшие, напыщенные голуби,
самокатами гремящие мальчишки,
и московское особенное аканье,
и разносчицы жировок по квартирам,
и гуденье реактивное,
и звяканье
проволочных ящиков с кефиром.
Все, как прежде.
Все, как прежде.
Тем не менее
что-то новое —
и в тишине, и говоре,
и какие-то большие изменения
происходят,
происходят в этом городе.
Рано утром,
на вокзал попасть рассчитывая,
я в трамвай влезаю с булкой
непрожеванной.
Что-то новое я вижу
и решительное
у студента за очками напряженными.
Маляры,
врачи,
и слесари промасленные
на места своих работ,
как прежде, следуют,
но, держась за ручки черные
пластмассовые,
так по-новому,
как близкие, беседуют!
В том, как спорят над газетой
неуклончиво,
в том, как лбом к стеклу прижалась
ученица,
понимаю —
с чем-то начисто покончено,
что-то новое, большое, очевидно.
Замечаю —
люди стали откровеннее,
люди жестче стали к подлости
и фальши,
люди стали ироничней,
и уверенней,
и добрее, и внимательней,
чем раньше.
Не согласен я с таким названьем —
«оттепель».
Это все-таки весна —
пусть очень трудная.
И недаром тех берет сегодня оторопь,

НОВЫЕ СТИХИ

Кто привык лишь к лицемерию
и трусости,
Этот город помнит «черных
воронов»,
помнит обыски,
допросы
и аресты.
Последите-ка сейчас за разговорами
разговаривают люди по-апрельски!
Гонит ветер,
в молодой листве бушующий,
упирающийся сор по тротуарам.
Город чувствует ответственность
за будущее.
Город помнит свое прошлое недаром.
Этот город —
он в себе не сомневается,
Он не даст воскреснуть мрачным
теням снова.
В нем бессмертен будет
памятный семнадцатый.
В нем не будет никогда
тридцать седьмого.

***

Мне говорят, качая головой:
«Ты подобрел бы...
ты какой-то злой!»
Я добрый был.
Недолго это было.
Меня ломала жизнь
и в зубы била.
Я жил подобно глупому щенку.
Ударят —
вновь я подставлял щеку,
Хвост благодушья,
чтобы злей я был,
я сам
одним ударом
отрубил!
И я вам расскажу сейчас о злости.
Когда перед собраньем шепчут:
«Бросьте!
Вы молодой, и лучше вы пишите,
а в драку лезть покамест не
спешите...»
А я не уступаю ни черта:
быть злым к неправде —
это доброта!
Я коммунист по сущности своей.
Мне коммунизм велит
быть злей и злей
к тому, что на пути его стоит,
и с толку я советами не сбит.
И нету во мне робости былой,
и —
интересно жить, когда ты злой.

ПИСАТЕЛИ: «НЕТ» ВОЙНЕ

Чем больше будет на свете друзей, тем меньше останется врагов, тем прочнее будет мир на земле. Туркменский поэт Кара Сейтлиев дарит книгу своему новому другу вьетнамскому писателю Хоанг Суан Ньи.

В ХОРЕ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР

«СЕРЬЕЗНЫЕ задачи стоят перед журналом «Советиш Геймланд». Он должен широко и всесторонне отразить жизнь советского народа, его самоотверженную борьбу за мир во всем мире, за счастливое будущее...» Так год назад в обращении к читателям, открывшем первый номер нового журнала, редакция «Советиш Геймланд» определила главное направление своей работы.

И вот прошел год. Шесть номеров журнала — итог труда большого творческого коллектива писателей, журналистов. Как же доносят эти номера «дыхание нашего времени», «голос многонациональной советской литературы»?

Имена многих советских писателей, представляющих литературы братских народов нашей страны, встречаем мы на страницах «Советиш Геймланд». Здесь проза Ч. Айтматова, поэтические произведения А. Твардовского, А. Прокофьева, М. Рыльского, Р. Гамзатова, М. Танка, С. Щипачева, Е. Евтушенко, П. Хузангая.

Популяризация журналом многонациональной советской литературы — дело большое и важное, и редакция верно увидела в нем одну из первых своих задач. Очевидно, в последующих номерах журнала приведенный перечень будет не просто пополнен новыми именами и названиями, но и значительно расширен.

Название «Советиш Геймланд» — «Советская Родина» — обязывает. Журнал призван быть трибуной идей советского патриотизма, пролетарского интернационализма и дружбы народов. Рассматривая сегодня произведения прозы и поэзии, опубликованные на страницах журнала за истекший год, мы вправе сказать, что лучшие из них стали заметным явлением в современной еврейской литературе именно в силу своего широкого интернационального звучания.

«Советиш Геймланд» («Советская Родина»), двухмесячный литературно-художественный журнал Союза писателей СССР на еврейском языке. №№ 1—3, 1961 г., и 1—3, 1962 г.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

Возьмем, к примеру, повесть М. Лева «Если бы не друзья мои». В ней правдиво и ярко воссоздан образ нашего современника, прошедшего через страшные испытания и выстоявшего в них. Это повесть об ужасах фашистского плена, о мужестве советских воинов, оказавшихся в одном из концлагерей, их высоком чувстве интернационализма и верной солдатской дружбе. Суровой к тяжелой была для героев этой повести борьба с фашизмом. Но они вышли победителями — победить помогло им высокое «чувство семьи единой». Идеи дружбы народов, борьбы за мир во всем мире, пафос любви к нашей действительности воплощены в поэмах «Братья» и «Золотое яблочко» М. Тейфа, «Медоносец» Ш. Рейтмана, «Предупреждение» Г. Ошеровича, в «Поэме о космосе» А. Вергелиса.

В журнале опубликованы произведения как зрелых мастеров прозы, уже знакомых читателю З. Вендрова, И. Гордона, Г. Добина, Н. Кипниса, Ноте Лурье, Б. Миллера, И. Рабина, И. Фаликмана, так и сравнительно молодых писателей. Здесь и произведения «малых» жанров — новеллы, рассказы, и «большая проза» — повести, романы.

Типичные картины современной жизни раскрывает Т. Ген в повести «В родном городе». Это рассказанная от первого лица биография рабочего паренька, бывшего свидетелем и участником больших событий в истории народа, страны. Повесть привлекает лирической простотой и взволнованностью.

Значительным событием еврейской советской прозы стал роман И. Шехтмана «Накануне». Это многоплановое произведение, его герои — люди ярких, сложных характеров. Роман повествует о предреволюционной обстановке в России во время русско-японской войны. Руку большого мастера прозы чувствуем мы и в лепке образов, и в раскрытии социальных, психологических и бытовых конфликтов того времени.

Однако не все опубликованное журналом по отделу прозы заслуживает такой же безоговорочно доброй оценки. Критическое отношение к себе вызывают некоторые рассказы, например Б. Миллера «Осенний день», Л. Вассерман «Собственная кровь», Г. Блоштейна «Широкой дорогой». Рассказы, разные по теме, по материалу, по авторской манере повествования. И разные причины делают их малозначительными, проходными — то непримечательность героя и событий, в которых он участвует, то авторская скороговорка в раскрытии явлений больших и интересных, то банальность сюжетных коллизий, претенциозность самих приемов воссоздания человеческих характеров.

Немалое место занимает на страницах «Советиш Геймланд» очерк. Среди очеркистов журнала активно выступает А. Губницкий. Шофер по профессии, он пишет о том, что видит и хорошо знает,—его очерки «Дорога на Волгоград», «День в Братске» рассказывают о труде простых советских людей, рядовых участников всенародных строек. О жизни и труде молодежи на целине рассказывает С. Гордон, автор многих повестей и рассказов, в очерке «Целина». В оригинальной лирической манере написан очерк поэта И. Келлера «Уральская мозаика», посвященный людям большого машиностроительного завода.

Богатство голосов, разнообразие интонаций доносит поэтический отдел журнала. Творчество М. Грубиана выделяется народным строем поэтических образов, стихи И. Котляр подкупают тонкостью выражения интимных чувств. Поэтесса старшего поколения Х. Левина представлена циклом пейзажной лирики. Мастерством проникновения в психологию детей, хорошей инструментовкой стиха и выразительным поэтическим языком отличаются стихотворения Ш. Дриза.

Старейший поэт Я. Штернберг, мастер «философской поэзии», представлен в журнале циклом стихов о Л. Толстом и «Героической балладой» о Карле Марксе. А. Вергелис — лирик с романтическим видением мира, даже «вечные» темы в стихах Вергелиса тесно связаны с современностью.

Но при всем том нельзя не сказать, что некоторые поэты представлены в журнале стихами, написанными ниже своих возможностей. Убедительный пример: явно незавершенные стихи Р. Баумволь, соседствующие с ее же талантливым стихотворением «Как алая ракета». Подобный упрек в известной мере можно отнести и к стихам М. Лившица. В чем дело? Причина, думается, одна — в отборе стихов, в недостаточной взыскательности и требовательности редакции. Это заметно сказывается и в стихах, публикуемых под ставшей в журнале постоянной рубрикой «Новые голоса». Стоит поддержать интересный почин журнала — он уже дал хорошие результаты. Стихи, например, А. Кацева, Г. Михельсона и некоторых других позволяют говорить об их авторах как об обещающих поэтах. Но в то же время под этой рубрикой нередко встречаются и произведения просто слабые.

Бо́льшей содержательности, проблемности, бо́льшей остроты разговора о современной литературе хочется пожелать отделу литературной критики. Из опубликованных журналом литературно-критических материалов этим требованиям отвечают пока немногие.

Редакция ищет, экспериментирует, стремится улучшать не только содержание, но и оформление, внешний вид каждой последующей книги.

Голос еврейских писателей на родном языке вливается в мощный хор голосов советской литературы на всех языках Советского Союза.

Г. РЕМЕНИК

УЗНАВАЯ МИР...

ОБСУЖДАЕМ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ:
«Люди и звери», «Телефонистка», «Увольнение на берег»

МОЛОДОЙ герой. Ему посвящено немалое число критических работ — «размышлений», «заметок»... Еще большее количество — рецептов. А между тем в искусстве, в кинематографе действительно родился новый герой — молодой человек, воспитанный временем новых жизненных норм и человеческих отношений, выдвинутых XX и XXII съездами партии; молодой человек, включающийся в борьбу своих отцов и матерей, вместе с ними продолжающий великое строительство будущего.

«Чужая родня», «Весна на Заречной улице», «Высота»... Решительный протест Федора Соловейкова против старого, затхлого мира собственничества, борьба за новую психологию, неприемлемую для «чужой родни», но единственно возможную для современного передового человека. Стремление Саши Савченко выйти за круг узких интересов, которыми жило большинство обитателей Заречной улицы. Смелый порыв верхолаза Николая Пасечника, укрепившего на верхушке домны красный флажок, — не из самодовольной лихости, а из желания романтически утвердить свой труд.

Все эти фильмы говорили о становлении героя активного, самостоятельного в своих решениях и поступках, способного понимать ход времени и отвечать на его запросы. Новые темы приходили в кинематограф вместе с ним.

Герои фильма «Ждите писем» пробивались сквозь тайгу, чтобы протянуть новую линию высокочастотной передачи, они прокладывали путь к новым взаимоотношениям людей, горячо боролись за человечность, честность, правду. В «Шумном дне» происходила не просто семейная ссора — шел бой против мещанства. И «Друг мой, Колька!» рассказывал с экрана не о любопытной школьной истории — он показывал острый поединок искреннего, живого, инициативного с ханжеством, равнодушием.

И, пожалуй, самое драгоценное, самое притягательное в этих фильмах то, что облик молодого человека на экране видоизменялся, приобретал новые черты, мы могли проследить становление, мужание характера.

В новом фильме Сергея Герасимова «Люди и звери» (фильме многоплановом и сложном, который еще станет предметом специальных обсуждений) по дороге из Москвы в Симферополь происходит наше знакомство с главными героями картины: врачом Анной Андреевной, ее дочерью Таней и Алексеем Павловым, бывшим лейтенантом, человеком сложной судьбы. Три героя, три разных образа, но настоящее «узнавание» характера для меня произошло при встрече с Таней — Жанной Болотовой. Хотя линия эта отнюдь не главная в фильме и не исчерпывающая его содержания.

— Почему ты такая?.. — с болью и тревогой спрашивает у дочери мать в начале фильма.

— ...Я не вижу ничего героического в том, что один человек дал другому кусок хлеба,—словно отвечает на вопрос матери Таня, как-то даже пренебрежительно расценивая благородный поступок неизвестного ей Павлова, спасшего во время блокады Анну Андреевну от смерти.

Почему Таня такая? Нас меньше, чем Анну Андреевну, тревожит этот вопрос — одни сразу отдают свое тепло окружающим, другие, особенно в юности, словно стыдятся добрых чувств, стараются спрятать их от постороннего взора. Гораздо больше волнует другое: раскроется ли, прорвется наружу это светлое, настоящее или еще сильнее запрячется, уйдет вглубь? С того самого момента, как мы сделали первые шаги по ночной дороге вслед за этой худенькой девушкой, нас не оставляют в покое мысли о ней, о ее будущем.

«В тебе — еж», — говорит Тане Павлов. Не сразу удается Тане убрать «колючки», она открывается своей новой стороной не вдруг, чудесного мгновенного превращения не происходит, зато идет постепенный процесс «оттаивания», процесс становления молодого человеческого характера. Таня не случайно так внимательно слушает воспоминания Павлова о его жизни на чужбине, то и дело задает ему все новые и новые вопросы, большие глаза смотрят внимательно и испытующе — ей надо понять человека, так много претерпевшего, но не утратившего главного — большого сердца.

Один толчок, другой, третий... И вот Таня, немного высокомерная и самоуверенная, поднимает за праздничным столом тост за «тех людей, которые не пощадили своей жизни за нас, за всех... За их скромность и за то, чтобы мы поучились у них этой скромности». Это первая победа Тани над самой собой, и актриса Жанна Болотова правильно подчеркивает всю ее значительность. Отсюда — естественный мостик к кульминации образа.

Павлов хочет встретиться со своим братом. С тем самым братом, которого он не видел семнадцать лет и которому посылал письма из-за границы, но не получил ответа. Не уклонится ли он и сейчас от встречи с бывшим «перемещенным лицом»? Вот что мучает Павлова, терзает его. А вместе с ним на почтамте — месте назначенного свидания — нервничают Анна Андреевна и Таня. И когда ясно становится, что Петр не придет, Таня решительно поднимается: «Этого так нельзя оставить. Мы не должны!» Все ее существо протестует против происходящего, против человеческой трусости! И здесь просыпается не только чувство справедливости по отношению к человеку, которого она успела узнать за несколько дней пути, здесь говорит гражданское чувство, какое она, может быть, испытала впервые.

«Мы не должны!» — вот серьезный моральный итог, к которому приходит Таня — Жанна Болотова. Исчезла капризная гримаска с лица девушки, и в помине нет той раздражающей пассивности и будто бы отвлеченности от всего происходящего вокруг, которые были в Тане в начале фильма. Большое, важное восторжествовало в человеке.

ФИЛЬМ «Люди и звери», созданный Московской киностудией имени Горького совместно с ДЕФА, и «Телефонистка», снятая на студии «Азербайджанфильм», очень отличаются и по замыслу, и по охвату событий. И все же есть точка соприкосновения у этих картин. Она — в том, что увидели авторы в молодом человеке сегодняшнего дня, как показали становление этих юных характеров.

В центре фильма «Телефонистка», поставленного Г. Сеидбейли по своей же одноименной повести, тоже молоденькая девушка, едва начинающая самостоятельную жизнь. Да, действительно самостоятельную, потому что Мехрибан после смерти бабушки осталась одна в большом городе.

«Телефонистка» — камерный фильм. Он не претендует на масштабное изображение характеров и событий. Однако это не значит, что устремления и интересы авторов не находят выхода в большую жизнь. Та скромная роль, которая отведена в ней Мехрибан, вовсе не мельчит тему, не обедняет содержание картины. Человек находит себя, обретает уверенность и силу — разве можно назвать мысль фильма мелкой и неинтересной? Тем более, что в исполнении молодой актрисы, дебютантки в кино Р. Недашковской Мехрибан — чистый, привлекательный человек.

Сюжет картины довольно традиционен: молодая неопытная девушка приняла за чистую монету ухаживания мужчины, весьма благосклонного к женщинам и избалованного их вниманием. Она искренне потянулась к нему, доверила свою любовь, он же легко обманул это доверие, завязав новую интрижку. По-разному можно было рассказать эту историю, но создателям картины важно было раскрыть живой характер, обнаружить в нем те ценные зерна, что обязательно дадут крепкие ростки. И потому не чувствительная история несчастной любви становится главной, а то, как, оторвавшись от нее, постепенно расправляет плечи юное и привлекательное существо.

Казалось бы, первая же беда легко сломит девушку, оборвет в ней живое любопытство к жизни, закроет свет дня. Но от кадра к кадру мужает характер Мехрибан, она обретает твердость духа, не растеряв большого человеческого тепла.

Обе героини — Таня и Мехрибан — делают свои самые первые шаги по жизни: они еще очень юны. Они еще, по существу, эту жизнь строить-то и не начинали. Приглядываясь, пробуя на вкус, они лишь определяли свое к ней отношение. Жизнь создает характер, говорят нам художники. Узнавая мир, молодые герои не просто проходят процесс «воспитания души», они формируют себя как будущих строителей, как настоящих людей.

Верно, в том же процессе хотел показать нам своих героев сценарист и режиссер Ф. Миронер, автор фильма «Увольнение на берег» (киностудия «Мосфильм»).

Девушка-почтальон попала в беду — потеряла казенные деньги. Но она не хочет с этим идти к людям, просить о помощи. Однако благодаря вмешательству постороннего, матроса Николая, и его инициативе в событие втягиваются окружающие. Необходимая сумма собрана. Люди оказались чуткими, отзывчивыми, добрыми. Женя же получила наглядный жизненный урок.

Очевидно, так мыслил содержание своего фильма Ф. Миронер, стремясь, по всей вероятности, не только донести до зрителя мысль о том, что вокруг тебя хорошие, добрые люди, но и как-то выявить характеры своих молодых героев, обнаружить в них нечто важное и ценное. Но, увы, этого открытия не произошло. Персонажи оказались весьма безликими и «вневременными». Они лишь подтверждают авторский тезис, который реализуется впрямую — наглядной иллюстрацией.

Ты уже знаешь, что именно так, а не иначе поступят те или иные персонажи. Что бывший моряк, спасовавший под многозначительным взглядом жены, через минуту уже бросится вдогонку Николаю и вручит ему последние двадцать пять рублей. Что девушка, показавшаяся нам всего лишь легкомысленной кокеткой, проявит чуткость и заберет у сокурсников всю «вскладчину», предназначенную на торжественный банкет. Что никому из моряков, танцующих в клубе, и в голову не придет пожалеть об отданных часах или вздохнуть, выгребая из карманов скромные матросские деньги.

История с пропажей денег не отразилась и на виновнице события — Жене (А. Шенгелая). Она осталась такой же, какой и пришла в фильм. Случившееся не приблизило ее к людям, не заставило что-то пересмотреть в себе.

Здесь экран в изображении молодого героя остался верен унылой схеме милого «розового» персонажа. Значит, его не коснулось дыхание жизни.

...Стремительно шагает вперед время. Меняется облик земли — меняются люди. Человек — и молодой человек также — вбирает в себя то новое, что несет жизнь, что рождает действительность. От глаз внимательных художников не ускользают эти перемены, эта эволюция характера, эти поиски, увенчивающиеся открытиями, эти сперва робкие, а потом уверенные шаги. Настоящие художники чутки к ним, ибо речь идет о будущем нашего общества, о тех, кто завтра займет главное место в ряду его строителей.

Н. ИГНАТЬЕВА

Здравствуйте, товарищ Мигел!

Дважды «Литературная газета» писала об этом замечательном человеке. 17 октября 1961 года и 1 января 1962 года мы рассказывали читателям об одном из славных героев португальского народа, члене Центрального Комитета Португальской коммунистической партии, рабочем-сапожнике Франсиско Мигеле, который 21 год провел в салазаровских застенках. Четвертого декабря 1961 года вместе с группой товарищей Мигел совершил дерзкий побег из португальской крепости Кашиас, на броневике, который подарил Салазару Гитлер.

◇

...Мы встретились с ним совершенно случайно в вагоне поезда. Франсиско Мигел сидит передо мной на мягком диване и смотрит в вагонное окно, за которым убегает назад уставшая от бесконечных дождей нынешнего лета европейская равнина.

— Здравствуйте, товарищ Мигел!

— Здравствуйте, — по-русски отвечает невысокого роста худой человек с большими сияющими глазами. — Не удивляйтесь: я знаю несколько русских слов — «товарищ», «здравствуйте», «пожалуйста», «доброе утро», «хорошо»... Я помню эти слова давно, почти тридцать лет, с того дня, когда мне посчастливилось побывать в Москве... Здравствуйте, товарищ из Москвы!

Я сказал Мигелу, что «Литературная газета» писала о нем, рассказал об успехе, которым пользовались у наших читателей его стихи.

— Спасибо вашим читателям, всем советским людям... Месяца два-три назад в Португалии я узнал об этих выступлениях вашей газеты. От имени моей партии и всего нашего народа я хочу еще раз сказать спасибо вашей великой стране.

Франсиско Мигел помолчал немного, а потом, видимо, поняв мое нетерпение, спросил:

— Вы, наверное, хотите задать мне несколько вопросов, товарищ? Я готов ответить...

Прежде всего мне захотелось, чтобы Мигел рассказал о себе. Его биография оказалась обычной для португальского коммуниста. Он родился в 1907 году в семье крестьянина, на юге Португалии. Детство было трудным, как у всех бедняков. С юных лет Франсиско сам зарабатывал на хлеб, тачал сапоги. В 1931 году он примкнул к крестьянам, которые боролись за землю и хлеб. Его даже считали одним из руководителей этого выступления. Пришлось бежать в Испанию. А через год, вернувшись в Лиссабон, Мигел начал работать в профсоюзе, вступил в Коммунистическую партию Португалии. В 1938 году Франсиско был впервые арестован, провел год в тюрьме, бежал, а в декабре следующего года его снова схватила тайная полиция Салазара. На этот раз его сослали в концлагерь Таррафал, что на островах Зеленого Мыса.

— Об этом стоит рассказать подробнее, — говорит Франсиско Мигел, — человечество должно знать, что такое ад на земле. Салазаровский трибунал «осудил» меня тогда на 24 месяца заключения и отправил в Африку, на пустынные острова Зеленого Мыса, где был один из тайных концлагерей Салазара. Там я провел не два года, а семь и выжил, признаться, чудом. Многие мои товарищи остались там навсегда. Почему? Ужасный, буквально убийственный климат, невыносимые условия. Мы спали на полу, ели помои. Целый день работали в карьере с кандалами на руках. Каторжный труд, малярия, пытки делали свое дело: из 170 узников Таррафала почти треть здесь умерла. Там погиб генеральный секретарь нашей партии Бенто Гонсалвес, член ЦК Алфредо Калдейра, многие другие коммунисты. Мы хоронили товарищей, зная, что завтра нас тоже, может быть, ждет смерть, а сегодня — каменный мешок, куда бросали «провинившихся».

Франсиско Мигел смотрит в окно на бегущие поля. И мне кажется, что вот так же в сознании португальского коммуниста мелькают сейчас воспоминания о страшных двадцати годах, проведенных в салазаровских застенках.

— Я бежал много раз... Бежал в 1939 году, но пробыл на свободе только два часа. Меня поймали и целую неделю избивали стальными прутьями... После Таррафала шесть месяцев пробыл на свободе. Тайная полиция снова схватила меня. И снова — пытки. Одиннадцать суток без перерыва допрашивали меня офицеры, сменявшие друг друга. Мне не давали даже сесть. Потом сорок часов перерыва в изоляторе и — второй десятидневный «сеанс статуи»... Так было в Лиссабонской тюрьме. И не только со мной, но и с многими коммунистами, борющимися за свободную Португалию. Затем — крепость Пенише, где Салазар держал руководителей нашей партии, в том числе и нашего генерального секретаря товарища Алваро Куньяла. 3 января 1960 года мы бежали оттуда...

Я сказал Мигелу, что прошлой осенью в Москве товарищ Куньял рассказывал нам об этом славном побеге.

— Да, это было трудное дело, — говорит Мигел. — Все мы находились в изолированных камерах, под неусыпным надзором охраны. Но партия наша сильная. Она умело организовала побег. Нам переправили хлороформ: им мы усыпили охрану. Куски материи были превращены в веревки. Побег был совершен. Но и тогда я пробыл на свободе только 179 дней с 3 января по 23 июня 1961 года. Потом — снова тюрьма в Лиссабоне, камеры в крепости Кашиас... 4 декабря прошлого года вместе с друзьями я бежал из этой крепости на броневике, который Гитлер подарил Салазару. Вот как это было. Первые ворота оказались деревянными — пробились. Вторые, железные, были, к счастью, полуоткрыты, а третьи, тоже деревянные, мы с ходу разнесли в щепы. Под пулями выскочили на автостраду и на полном газу помчались туда, куда было намечено по разработанному плану.

Франсиско Мигел горячо говорит о сегодняшнем положении Португалии.

— Кровавый режим Салазара политически изолирован. Его крах приближается с каждым часом. Нашей партии принадлежит решающая роль в объединении демократических сил и организации действий народных масс. Мы ведем очень тяжелую борьбу. Я видел, что происходило в Португалии этой весной. Я видел, как 1 и 8 мая на улицах Лиссабона расстреливали демонстрантов и как против Салазара продолжают выступать рабочие, студенты, ученые, педагоги... Тысячи антифашистов томятся сейчас в застенках... Как видите, напряжение в стране возрастает. Салазар рвет и мечет, грозит и убивает. Но разве может кто-нибудь помешать взойти солнцу?.. Об этом хорошо бы написать стихи...

Франсиско Мигел не считает себя поэтом, но, по его словам, уже давно «увлекается стихами». Началось это увлечение много лет назад, в заточении. За решеткой написал он свои первые стихи.

— Поэзия стала в тюрьме моим собеседником. Пусть я плохо знаю ее. Но мне все-таки удавалось тайком читать стихи Лорки, Байрона, Пушкина... В Пенише, конечно, тайком я написал много стихов. Они попали к Алваро Куньялу и нашему поэту Борхес Куэльо, который после шести лет заключения по-прежнему томится в Пенише. Они посоветовали мне продолжать работу. Когда набралось несколько десятков стихотворений, партия переправила их на свободу и, разумеется, нелегально отпечатала отдельной книжечкой. А я тем временем продолжал писать. В крепости Кашиас я написал более 200 стихов. Продолжаю писать и сейчас. Хотите послушать?

Франсиско Мигел читал одно, другое, третье стихотворения, и я забыл обо всем — о поезде, равномерно покачивающемся вагоне, мелькающих за окном пейзажах...

Я слушал этого удивительного человека в будничной серой рубашке с короткими рукавами, скромного коммуниста-борца, человека, о котором слагают легенды, который сам творит их.

Н. МАР,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ПИСАТЕЛИ: «НЕТ» ВОЙНЕ

Лауреат международной Ленинской премии аргентинская общественная деятельница Мария Роса Оливер с уважением смотрит на эти томики. Она знает, что книги советских писателей всегда были могучим оружием в борьбе за мир.

КОЕ-ЧТО ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

ЦИНИКИ

Эта статья, высмеивающая лицемерные ухищрения правящих кругов США, была опубликована в июньском номере американского журнала «Прогрессия».

ЧЕРЕЗ два года после инцидента с самолетом «У-2» г-н Эйзенхауэр признался, что «совершил ошибку», когда отрицал тот факт, что полет «У-2» был предпринят со шпионскими целями. Более того, как сообщают вашингтонские корреспонденты Дэвид Уайз и Томас Б. Росс на страницах журнала «Лук» в статье, являющейся отрывком из их новой книги «История с «У-2», этот полет планировался именно в связи с предстоящим совещанием на высшем уровне, которое намечалось провести в Париже. «Слишком уж велико было желание произвести последний полет».

Сперва мы нарушили международное право, не говоря уже о нарушении русского закона. Потом мы солгали. Затем, после того как русские уличили нас во лжи, мы заявили, что лгут они. А когда Хрущев согласился принять участие в совещании в верхах при единственном условии, что Эйзенхауэр принесет извинения, Эйзенхауэр отказался принести извинения, и Хрущев «сорвал» совещание.

Ну как можно после этого доверять русским?

Никак нельзя! А они нам могут доверять?

Мы совершаем ошибки. Но собак вешаем на них.

Не так давно я выпивал в компании с несколькими иностранными корреспондентами. Один из них сказал, что «босс» постоянно распекает его за то, что его статьи имеют слишком циничный оттенок. Другой в ответ на это заметил: «Он хочет, чтобы ты перестал правду-матку в глаза резать покупателям это не нравится». Бедные редакторы начинают смахивать на того заказчика рекламы сигарет, который заявил директору телевизионной студии: «Я хочу, чтобы вы показывали спектакли со счастливым концом для счастливых людей и со счастливым решением всех проблем».

...Президент Трумэн называл корейскую войну полицейской акцией, президент Эйзенхауэр называл инцидент с «У-2» русской шпионской, теперь та же история повторяется с президентом Кеннеди в отношении Кубы, а также Южного Вьетнама. «Наш человек во Вьетнаме», как называет тамошнего правителя Уолтер Липпман (здесь ирония, а не цинизм), — это бесчестный, продажный тиран. По условиям соглашения, подписанного в Женеве в 1954 году (которое поддерживают все уважающие законы государства), ему разрешается иметь не более 683 военных советников из какой-нибудь одной страны и запрещено пользоваться услугами военного персонала какой бы то ни было иностранной державы.

Кое-кого из 5—6 тысяч американских военных советников в Южном Вьетнаме (к числу которых принадлежат и солдаты морской пехоты) уже убили или ранили в джунглях в то время, как они делились советами. Теперь вспомним, что Соединенные Штаты, столь почитающие закон, не участвуют в войне, ведущейся в Южном Вьетнаме. (Хотя Роберт Кеннеди — заявление любого Кеннеди играет роль — утверждает, что «мы намерены победить во Вьетнаме. Мы останемся там до победного конца».) Однако у раненых американских советников сложилось впечатление (о впечатлениях убитых мы судить не беремся), что они получили ранения на войне и что посему их следовало бы наградить орденом «Пурпурного сердца». Вот тут-то дело приобретает крутой оборот.

Орденом «Пурпурного сердца» всегда награждались американские солдаты, раненные в бою с неприятелем. Но ведь во Вьетнаме нет ни солдат, ни боев, ни неприятеля — ничего, кроме наших советников. Однако военные советники почему-то считают себя солдатами-пехотинцами, ссылаясь в качестве доказательства на свои документы, на свою военную форму и на свое вооружение. Разгорелись страсти, и на этот раз уже г-н Джон Ф. Кеннеди постановил, что отныне орденом «Пурпурного сердца» будут награждаться военные советники, числящиеся в армии США, которые получат ранения, «находясь на службе в вооруженных силах дружественных стран».

Кое-кто «на галерке» недоумевает: разве уже утратил силу пункт в паспорте, гласящий, что американский гражданин, поступающий на службу в «вооруженные силы иностранного государства», теряет свое гражданство?

До чего циничны эти «галерка»!

Теофраст САЧ

УПРЯМОЕ ЗЕРНО ПОЭЗИИ

ГОРНЫЕ порожистые реки не похожи на своих степных и луговых сестер. Эти последние в большинстве своем задумчивы, текут плавно. Раздольная величавость — вот что характерно для них. Горные реки другие. У одной горной может быть десять различных характеров. То она бурлит в сумрачном ущелье, то, залитая солнцем, пенится на бешеных поворотах, то вдруг сверкнет малым зеркалом, то разобьется на тысячу осколков.

Река Тиса, берущая свое начало в лесистых Карпатах, даже среди горных рек считается своенравной. Поэзия, вспоенная ею, свободолюбива, остра, горяча, полна жара и блеска. То безудержно весела, то задыхается от скорби и сарказма. Таково творчество классика венгерской литературы великого поэта Шандора Петефи. Таков и представитель более позднего периода — Эндре Ади.

Но вот новое для нас имя: Дюла Юхас, чей сборник «У Тисы» вышел не так давно в Гослитиздате.

Жизненный путь Дюла Юхаса (о нем рассказано во вступительной статье Е. Малыхиной), за немногими проблесками, был печален. Родившись в семье мелкого почтового чиновника, ставший учителем в глухом сельском районе, Дюла Юхас в условиях буржуазной Венгрии так и не выбился из тисков бедности, одиночества, болезней. 44-х лет от роду он покончил с собой в апреле 1937 года. Когда так хороша была река Тиса:

Верховья Тисы, выси гор,
орлы, летящие в простор.
С плотов далеких и тишине
плиточном белым машут мне

После смерти Дюла Юхаса стало уже всем ясно, что этот бедняк-учитель был несметно богат. Это был богач, накопивший сокровище нежности и любви к родному краю и его народу, подлинные перлы поэзии, тонкий лиризм и пламенный темперамент трибуна.

При жизни поэт был скромен, даже застенчив. Но, когда это было нужно, его поэзия говорила громким голосом, утверждая себя даже после смерти. В эпитафии, написанной самому себе, мы читаем:

Я вышел в венгерском вихре,
брат родной вам, тополя мои!
И в земле я не затихну,
я взойду — зерно упрямое!

Дюла Юхас писал о простых людях из народа, о тружениках, обделенных счастьем. Целая трагическая галерея загубленных жизней. «Служанка Анча»:

В убогом пограничном городишке
она жила при ресторанной стойке.
. . . . . .
А волосы Анчи были цвета пакли.
Глаза — синее ягодки терновой,
ее воспоминания сказкой пахли,
лесной избушкой, чащею сосновой.

Эта девушка, этот цветок, напоминающая нашу Аленушку, понуро сидящую над омутом, этот лесной цветок гибнет в гнилом мелководье трактирного быта. Гибнет и шахтер, изувеченный взрывом в шахте, «Искалеченный рабочий в Рокуше»:

Лежит он. Больше, чем Бетховен, глух.
Растерзан, как титан. Хрипит натужно.

Перечень скорбей и печалей можно было бы продолжить. Но ошибкой было бы считать творчество Дюла Юхаса пессимистичным. Нет, не пессимист тот, кто так остро ощущал прелесть бытия во всем его многообразии.

Очарованием сказки (не меньше, чем в «Горной идиллии» Генриха Гейне) веет от «Воображаемых путешествий».

И каким жизнелюбом надо быть, чтобы воскликнуть:

Все на земле любить,
о люди, надо...

Это стихотворение озаглавлено: «Всем». Обращение «о люди» придает ему всеобъемлющее звучание. Это кредо поэта, его гимн во славу жизни. Он славит прекрасную землю, ее сады, ее веселье, ее грусть. И главное — труд, без которого нет счастья. Работу.

Я славлю лишь ее. Работу, жизни мать,
и двух ее сестер—Свободу с Красотою,
чьи зори алые покончат с темнотою,

Горделиво возносится пирамида в «дремлющей пустыне». Но не властители, не цари будут прославлены величественным сооружением:

Эй, фараоны! Знайте:
в бездну ада
рабы столкнут
гранитную громаду,
поняв однажды: люди и они!

Стихотворение это обладает огромной силой обобщения. Такая целенаправленность Дюла Юхаса делает его нашим современником, нашим соратником, нашим другом. Одним из тех поэтов, которых мы читаем и перечитываем...

Особо следует отметить высокое качество переводов. Высокое даже для таких мастеров, как А. Мартынов, Н. Чуковский, Д. Самойлов и В. Корчагин, переведших сборник замечательного венгерского поэта.

Вера ИНБЕР

Дюла Юхас. «У Тисы». Стихи. Переводы с венгерского. Гослитиздат.

ЗА БУКВАРЕМ СВОБОДЫ

ЗНАЕШЬ ли ты, читатель, Кению? Я — нет. Во всяком случае, до последнего времени ничего о ней не знал. Кроме того, что можно вычитать из справочника. Кения — часть Восточной Африки. Более 70 лет является английской колонией. 60 тысяч европейских поселенцев (менее процента населения!) распоряжаются шестью с половиной миллионами африканцев.

«Моему народу дозволено только издали любоваться землей, которая породила его, тучной землей, которая приняла останки его предков». Так говорит один из героев «Страны солнца» — автобиографической повести молодого писателя Муга Гикару. Эта книжка и познакомила меня с неведомым краем земли, с его трудолюбивым, добрым, талантливым народом.

Мальчишка-пастух впервые в жизни взял в руки книжку. Это непросто в стране, где почти все население безграмотно, где газету и радио до сих пор заменяет «лесной телеграф», где существуют племена, поклоняющиеся духам, где многие верят в «гита» — дурной глаз.

Африканцы, как сетями, опутаны кабальными законами о труде, о пропусках, о налоге, о праве передвижения. Колонизаторам выгодно держать народ в кабале и невежестве. Вот почему один из самых страстных призывов здесь — образование! Жители жертвуют всем, чтобы строить школы. Те, у кого нет денег, работают на стройке, не требуя платы. За парту садятся отец и сын. Мать, кормя младенца, не выпускает из рук букварь.

История самого автора — лучший пример, чего может добиться своим трудом и упорством сын Кении.

«Страна солнца» — первый литературный труд Гикару — книга во многом наивная и неровная. Рядом с живой, яркой сценой быта героев, с точным диалогом автор может полностью процитировать циркуляр или привести статистическую справку. Но, быть может, именно это и превращает историю одной африканской семьи в горячий публицистический документ о жизни всего народа Кении, его чаяниях и борьбе против отжившей свой век позорной системы колониализма.

К. ЛАПИН

Муга Гикару. «Страна солнца». Перевод с английского Р. Кушнеровича. Издательство «Молодая гвардия».

РЯДОВЫЕ ГЕРОИ

Юная вьетнамка Нян, связная Народной армии, не раз выполняла боевые задания. Одетая в платье крестьянки, она не привлекала к себе внимания врага. Но однажды... О том, как робость и нерешительность сменила отвага, нам, научившись побеждать страх, патриотка Нян не испугалась пытки во вражеском застенке, повествует рассказ «Боевая подруга». Он и дал название сборнику новелл вьетнамских писателей, выпущенному Воениздатом.

Детектив бьет по цели

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, это настоящий детективный роман, роман тайны, где распутывается сложное, но в общем-то довольно заурядное уголовное преступление — ограбление и убийство богатой женщины сомнительного поведения. Герои романа — чиновники уголовной полиции, хитрые, решительные и бесцеремонные, строят версии, арестовывают, допрашивают, рыскают по городу, встречаются с тайными осведомителями, вступают в схватку с бандитами. И читатель, представьте, с интересом, а порой и волнением, сомневаясь и негодуя, идет к разгадке банальнейшей из тайн — кто же убийца?

Но, спросят меня, почему же — с интересом, даже с волнением? Ведь совершенно очевидно, что это «дешевая уголовщина», «детектив». Может быть, волнуется над этой книгой, как принято у нас в таких случаях говорить, лишь «отсталый» или «нетребовательный» читатель? Оказывается, нет. Эту книгу с интересом прочтет самый «передовой», и не только с интересом, но и с несомненной для себя пользой. Не верите?

Тогда возьмите в руки эту книгу. Она называется «Соучастие в убийстве». Ее автор — австралийский писатель Джуда Уотен...

А теперь скажите, о чем вы прежде всего подумали, перевернув ее последнюю страницу?

Ручаюсь, вы подумали, как же все-таки жестоко устроена жизнь, если казнен невиновный человек. И еще вы, конечно, подумали, что инспектор уголовной полиции Браммел, нашедший истинного убийцу и согласившийся получить от него «отступного», все равно не добился бы его осуждения. Потом вы вспомнили, как «опростоволосились» чины уголовной полиции, когда в аварте погони они осмелились замахнуться на представителя высшей финансовой олигархии страны, не без основания заподозрив его в мошенничестве.

«Позвольте, позвольте, — нетерпеливо оборвут меня тут наши читатели, — что-нибудь одно. Либо это уголовный детектив, то есть дешевое чтиво, рассчитанное на самый невзыскательный вкус, либо это серьезный социальный роман».

Так вот представьте себе, что в данном случае именно уголовный детектив вобрал в себя важные социальные проблемы, сумел раскрыть перед читателем язвы и пороки общества, где могут процветать только люди без совести и чести, где всесилен финансовый диктат.

Книга Джуды Уотена — «про полицию» и «про преступников» — глубокая, умная и волнующая. И еще горькая и гневная. Да, именно такой и должна быть книга талантливого писателя, коммуниста, когда он пишет сегодня о своей Австралии.

Аркадий АДАМОВ

Джуда Уотен. «Соучастие в убийстве». Роман. Перевод с английского И. Архангельской. Предисловие Н. Грибачева. Издательство иностранной литературы.

«УРЗИКА»

Недавно в «Библиотечке «Крокодила» вышла небольшая книжка «Лечение крапивой». У автора ее необычная фамилия — Урзика. Впрочем, фамилия ли это? «Урзика» по-румынски значит «Крапива» — так же называется и журнал сатиры и юмора наших румынских друзей, который выходит уже более десяти лет и пользуется большой любовью читателей.

В небольшой сборник «Лечение крапивой» (перевод с румынского Д. Шполянской) вошли рассказы и рисунки авторов «Урзики» — «принадлежащих к самому юному призыву писателей-юмористов» Румынии.

Сказки, рассказанные по телефону

Джанни РОДАРИ,
итальянский писатель

Итальянский писатель Джанни Родари давно полюбился советским читателям. Его веселые, жизнерадостные и остроумные сказки, повести и стихи — «Приключения Чиполлино», «Чем пахнут ремесла», «Путешествие Голубой стрелы» и другие, — пожалуй, с равным удовольствием читают и дети, для которых он пишет, и взрослые.

«Сказки, рассказанные по телефону» — так называется его новая книга, вышедшая в нынешнем году в Италии. Родари посвятил ее своей дочке Паолетте и ее друзьям, детям всех рас. «Жил-был... бухгалтер Бианки из Варезе. Был он представителем одной торговой фирмы и шесть дней в неделю колесил по всей Италии, продавая лекарства... И где бы он ни находился, каждый вечер ровно в девять часов бухгалтер Бианки звонил по телефону в Варезе и рассказывал сказку своей дочке... Говорят, что, когда синьор Бианки вызывал Варезе, девушки-телефонистки прерывали все разговоры, чтобы послушать его истории». Но это, как говорится присказка, а вот и некоторые из этих сказок, которые мы выбрали для читателей «Литературной газеты».

Каменщик из Вальтеллины

ОДИН юноша из Вальтеллины, не найдя работы на родине, эмигрировал в Германию и именно в Берлине на одной стройке нашел себе место каменщика. Марио, как звали юношу, был очень доволен: работал он много, ел мало, а все, что ему удавалось сэкономить, откладывал на свадьбу.

Но однажды рухнули леса, и Марио упал в бетонную массу. Он погиб, и тело его было невозможно достать.

Марио был мертв, но он не чувствовал боли. Он находился внутри одного из пилястров строящегося дома. Правда, ему там было немного тесновато, но он думал и чувствовал, как прежде. Когда Марио немного свыкся со своим новым положением, он даже смог открыть глаза и увидеть дом, выраставший вокруг него. Ему показалось, что именно он выдерживает всю тяжесть нового здания, и это-то облегчило его печальные мысли о том, что он теперь лишен возможности послать о себе весточку домашним и своей несчастной невесте.

Его, спрятанного в стене, в самом ее сердце, никто не мог видеть, никто даже не подозревал о его существовании. Но все это не беспокоило Марио.

Дом вырос до крыши, были поставлены на свои места двери и окна, квартиры были проданы и куплены, обставлены мебелью. В них поселились многочисленные семьи. Марио всех их знал: от взрослых до самых маленьких. Когда дети ползали по полу, готовясь совершить свои первые шаги, они щекотали ему руки. Когда девушки выходили на балконы или высовывались из окон, чтобы увидеть своих возлюбленных, прогуливавшихся внизу, Марио чувствовал на щеке нежное прикосновение светлых девичьих волос. Вечерами он слушал разговоры семей, собравшихся вокруг стола, ночами — кашель больных, а перед восходом солнца — звонок будильника пекаря, который всегда просыпался первым. Жизнь дома была жизнью Марио, радости дома, его каждого этажа — его радостями, а горе каждой комнаты — его горем.

И вот однажды вспыхнула война. Началась бомбардировка города, и Марио почувствовал, что наступает и для него конец. Бомба упала на дом и разрушила его до основания. Осталась только бесформенная груда камней, разбитой мебели и домашнего скарба, под которой заснули навеки женщины и дети, застигнутые бомбардировкой во сне.

И только тогда Марио действительно умер, потому что погиб дом, рожденный его самопожертвованием.

Мышь, которая ела кошек

СТАРАЯ библиотечная мышь решила навестить своих родственников, которые жили на чердаке и мало что знали о мире.

— Вы мало знаете свет, — говорила она своим застенчивым родственникам, — и даже, наверное, читать не умеете.

— Да уж куда нам, — вздыхали родственники.

— Например, приходилось ли вам когда-нибудь есть кошку?

— Куда уж нам. Здесь у нас живут только такие кошки, которые сами едят мышей.

— Это потому, что вы не образованны. Я этих кошек съела не одну и уверяю вас, что они даже не пикнули.

— А какие они были на вкус?

— По-моему, они имели вкус бумаги и чернил. Но это пустяки. Вы когда-нибудь ели собаку?

— Помилосердствуй.

— Как раз вчера я съела одну овчарку. У нее и клыки были... Она преспокойно дала себя съесть и даже не пикнула.

— А какой у нее был вкус?

— Бумаги, бумаги. А носорога вы когда-нибудь ели?

— Куда уж нам. Мы никогда и не видали его. А на какой сыр он больше похож, этот носорог, на рокфор или пармизано?

— Он похож на носорога, конечно. А ели вы когда-нибудь слона, монаха, принцессу, новогоднюю елку?

В этот момент кот, который сидел за сундуком и все слышал, с угрожающим мяуканьем выпрыгнул из своего убежища. Он был самый настоящий кот из костей и мяса, с усами и когтями. Все мышата мгновенно, как птички, порхнули в свои норки, за исключением библиотечной мыши, которая от неожиданности так и осталась неподвижной, застыв на своих лапках, точно изваяние. Кот поймал ее и начал с ней играть.

— Ты, кажется, мышь, которая ест кошек?

— Я, ваше превосходительство... Вы должны понять... Находясь постоянно среди книг...

— Понятно, понятно. Ты ешь их нарисованными в книгах.

— Иногда, и только с точки зрения их изучения.

— Конечно. Я тоже ценю литературу. Однако не кажется ли тебе, что необходимо немножко изучать и действительность? Ты бы тогда узнала, что не все кошки сделаны из бумаги и что не все носороги позволяют мышам обгладывать себя.

К счастью для бедной пленницы, кот, увидав ползущего по полу паука, на мгновение отвлекся. Библиотечная мышь в два прыжка скрылась среди своих книг, а кот вынужден был довольствоваться обедом из паука.

Бриф, бруф, браф

В ТИШИ двора играли двое мальчиков, изобретая особый язык, чтобы посторонние не могли их понять.

— Бриф, браф, — сказал первый.

— Браф, броф, — ответил второй.

И они разразились смехом.

На балконе первого этажа читал газету добрый старый синьор. Напротив из окна выглядывала старая синьора, не добрая и не злая.

— Как глупы эти мальчики, — проговорила синьора.

Однако добрый синьор с ней не согласился.

— Я этого не нахожу.

— Вы же не станете утверждать, что поняли, о чем они говорили.

— Напротив, я все понял. Первый сказал: «Какой сегодня хороший денек». Второй ответил: «А завтра будет еще лучше».

Синьора сморщила нос, но промолчала, потому что мальчики вновь принялись разговаривать на своем языке.

— Мараски, бараски, пиппиримоски, — сказал первый.

— Бруф, — ответил второй.

И они опять залились смехом.

— Может быть, вы и сейчас поняли? — спросила возмущенная старая синьора.

— Конечно, я и сейчас все понял, — ответил, улыбаясь, старый синьор. — Первый сказал: «Как мы счастливы жить на свете». Второй ответил: «Мир прекрасен».

— Действительно ли так уж прекрасен он, этот мир? — настаивала старая синьора.

— Бриф, бруф, браф, — ответил старый синьор.

Перевел с итальянского
Е. КОНДРАТЬЕВ

ПОИСКИ ПРАВДЫ

Вместе с героем романа «Ситалец», принадлежащего перу индийского писателя Ирачандры Джоши, мы проходим через все, если можно так сказать, социальные слои индийского общества. «Образованный» бродяга ведет жизнь странника, неуютную, полную тяжелых испытаний и невзгод. Он бредет среди шумной толпы по улицам Калькутты, знакомит нас с жизнью дна города, приводит в особняки богачей, вместе с ним мы проводим день в порту, в тюрьме. Что же заставляет его скитаться по огромному городу, что гонит его из одного места в другое? Герой одержим одной мыслью. Он хочет понять, выяснить: куда идет Индия? Его терзает вопрос: что надо сделать, чтобы люди обрели достойную жизнь?..

Книга выпущена в свет Гослитиздатом. Перевод с хинди Ю. Маслова.

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ.
Редакционная коллегия: Ю. Я. БАРАБАШ (зам. главного редактора), В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, О. Н. ПРУДКОВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, Ю. И. СУРОВЦЕВ, А. С. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. | Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-60, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-66. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б — 03442.